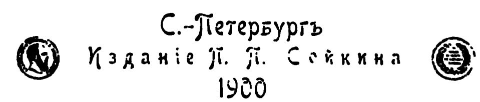
SADOVNIKOV I EGO
POEZIIA

Korinfskii

Аполлонъ Коринфскій

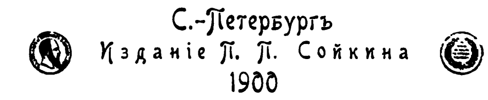
Сообщеніе,
сдѣланное 17 марта 1900 г.
въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго


С.-Петербургъ
Изданіе П. П. Сойкина
1900

Аполлонъ Коринфскій

Д. Н. Садовниковъ и его поэзія

Сообщеніе,
сдѣланное 17 марта 1900 г.
въ кружкѣ имени Я. П. Полонскаго

С.-Петербургъ

Изданіе П. П. Сойкина
1900

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 15 ІЮНЯ 1900 ГОДА

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Д. Н. Садовниковъ.

Д. Н. САДОВНИКОВЪ

и

ЕГО ПОЭЗІЯ.

„Пускай живое пѣснопѣнье
Въ родной мнѣ русскій міръ идетъ“...

Случевскій.

„Ой, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!“

Мей.

I.

Народная Русь, вѣрная завѣтамъ дѣдовъ-прадѣдовъ, свято, — хотя и довольно своеобразно, — чтитъ память своихъ близкихъ, отходящихъ въ иной міръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ особые поминальные дни, неразрывно связанные съ вѣковымъ укладомъ ея жизни, такъ и многіе глубоко-трогательные обычаи, соблюдаемые до сихъ поръ. Во всѣхъ выдающихся событіяхъ своей нехитрой жизни вспоминаетъ русскій народъ о «покойничкахъ»: привѣтствуетъ ихъ въ свѣтлые весенніе дни, прощается передъ зимними студеными вьюгами, плачетъ-причитаетъ на ихъ безымянныхъ могилкахъ во время посѣщеній бѣды-невзгоды, пируетъ съ ними въ радостную пору.

Все это обличаетъ присутствіе неугасимой вѣры въ безсмертіе души человѣческой, въ покровительственное общеніе умершихъ съ остающимися страдать и радоваться на землѣ. На этой вѣрѣ суевѣрнаго сердца народнаго и зиждется великая преемственность поколѣній, которою славенъ духъ

народа-пахаря, самобытный въ каждомъ своемъ проявленіи.

Но—странное дѣло! — чѣмъ дальше отступаемъ мы отъ устоевъ темной крестьянской жизни, чѣмъ ближе подходимъ къ свѣтлому храму общечеловѣческаго прогресса,—тѣмъ короче становится наша, русская, память, и тѣмъ настойчивѣе начинаютъ звучать въ нашемъ сознаніи слова:

«Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!»

Мы не только порываемъ коренящіяся въ народной средѣ связи съ загробнымъ міромъ, но все менѣе и менѣе охотно начинаемъ выказывать даже и внѣшнія проявленія своей близости къ умершимъ. Притупляется-ли память, черствѣетъ-ли погруженная въ заботы душа,—но только все это встаетъ неоспоримымъ фактомъ, вызывающимъ на самыя грустныя размышленія.

Наши городскія кладбища производятъ впечатлѣніе двойственности: они или совершенно заброшены, или бьютъ въ глаза показною аляповатой роскошью, уживающейся рядомъ съ безкрестными могилами.

Нѣтъ у насъ ни Пантеоновъ, ни Вестминстерскихъ аббатствъ; нѣтъ даже ни одного подобнаго парижскому «Père Lachaise» мѣста вѣчнаго успокоенія, хотя такъ называемые литераторскіе мостки

петербургскаго Волкова кладбища издалека, — если можно такъ выразиться, — и приближаются къ этому последнему. Наши писатели, художники, артисты, ученые и общественно-государственные деятели, какъ известно, не отличающіеся особеннымъ единодушіемъ при жизни, и умирая, не сходятся въ какомъ-либо одномъ «городе мертвыхъ». Рознь, везде и во всемъ — рознь... И живые, и мертвые идутъ въ-разбродъ!

Надъ литераторскими мостками Волкова кладбища витаютъ тени многихъ близкихъ чуткому русскому сердцу людей. Словно сторонясь отъ этихъ дорогихъ и имъ могилъ, покоятся — возле одной изъ Волковскихъ церквей — Тургеневъ, Салтыковъ, Кавелинъ и, съ недавнихъ дней, Григоровичъ. На аристократическомъ кладбище Александро-Невской лавры спитъ вековечнымъ сномъ великій русскій сердцеведецъ, пророкъ мертваго дома — Достоевскій — о-бокъ съ Глинкою, Мусоргскимъ, Чайковскимъ, Крыловымъ, Баратынскимъ, Щербиною и по соседству (не особенно близкому) съ Гончаровымъ, Рубинштейномъ, Апухтинымъ и другими знаменитыми и безвестными русскими людьми. На Смоленскомъ кладбище есть свой литературно-артистическій уголокъ; на Митрофаніевскомъ затерялся среди многихъ тысячъ безмолвныхъ соседей Аполлонъ Григорьевъ въ трогательномъ общеніи съ близкимъ ему при жизни Меемъ. Въ не особенно еще густомъ лесу крестовъ и мавзолеевъ Новоде-

вичьяго монастырскаго кладбища выдѣляются увѣнчанные бюстами памятники Некрасова и не такъ давно присоединившагося къ нему А. Н. Майкова... Какъ много говорятъ русскому сердцу всѣ эти громкія имена!..

Но на послѣднемъ изъ только-что названныхъ кладбищъ есть одна почти никому невѣдомая, всѣми забытая, никѣмъ не посѣщаемая могила. Шестнадцатая зима одѣла снѣгомъ еле-замѣтный холмикъ, надъ которымъ сиротливо склоняется все глубже и глубже вростающій въ землю крестъ съ полустертымъ именемъ лежащаго подъ его печальной сѣнью человѣка. Имя это—пустой звукъ для огромнаго большинства современныхъ читателей, и только у очень немногихъ любителей поэзіи, да у записныхъ библіографовъ, связывается съ нимъ сколько-нибудь опредѣленное представленіе.

Когда-то, въ ранніе годы дѣтства, слышалъ я старинное повѣрье о томъ, что—если придти полуночной порою на кладбище да припасть чуткимъ ухомъ къ безкрестной-безымянной могилѣ, да спросить у нея о лежащемъ въ ея крѣпкихъ объятіяхъ,—то сплошь-да-рядомъ бываетъ, что откликается мать-сыра-земля и голосомъ человѣческимъ отвѣчаетъ спрашивающему. «Не всѣмъ дано это, но и теперь еще не перевелись на бѣломъ свѣтѣ такіе люди!»—гласило повѣрье.

Не мало повѣдаетъ такимъ людямъ и эта

забытая могила, когда упадетъ на̀-земь убогій крестъ, на которомъ и теперь уже съ трудомъ можно разобрать имя покоящагося подъ нимъ человѣка... «Мертвъ поэтъ, но пѣсни живы!»..— можно сказать объ этомъ человѣкѣ нѣсколько измѣненными словами К. К. Случевскаго, лично знавшаго его и теперь хранящаго о немъ въ своей вдохновенной душѣ свѣтлыя воспоминанія.

II.

«... Въ его пѣсняхъ, сказкахъ и легендахъ— духъ русскаго народа, его вѣчно живые образы воскресали во всей своей свѣтлой печали, со всѣмъ своимъ мрачнымъ юморомъ... Потеря его для насъ тяжела теперь; потеря для народа сознается послѣ!»...

«... Въ тайникахъ души его прекрасной билъ ключомъ поэзіи родникъ!»...

«... Смерть похитила у насъ молодого поэта съ крупными задатками настоящаго поэтическаго таланта, который, казалось, способенъ былъ воскресить лучшія традиціи русской поэзіи»...

«... Родись онъ на французской или англійской почвѣ, талантъ и имя его давно уже горѣли-бы яркой звѣздой»...

Эти, приведенныя здѣсь изъ газетныхъ некрологовъ, слова въ двадцатыхъ числахъ декабря 1883 года раздавались надъ свѣжей могилою Дмитрія Николаевича Садовникова, автора самобытныхъ пѣсенъ-легендъ о Стенькѣ Разинѣ и многихъ другихъ замѣчательныхъ стихотвореній.

Громкія, многообѣщающія слова!.. Они остались только словами, хотя ихъ и произносили искренніе друзья и почитатели безвременно смолкшаго талантливаго поэта-художника. Достаточно было всего нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы это когда-то довольно хорошо извѣстное въ литературныхъ кружкахъ имя стало мертвой буквою для читающихъ массъ и выцвѣтшимъ дагерротипомъ полузабытаго, хотя и милаго, лица—для ближайшихъ друзей.

Короткая русская память уже успѣла почти совершенно заслонить въ себѣ творческій обликъ, начинавшій яркими чертами запечатлѣваться въ ней, десятками другихъ—блѣдныхъ, другъ на друга похожихъ, мелькающихъ пестрой смѣною современнаго калейдоскопа, если и оставляющаго впечатлѣніе, то—неопредѣленное, туманное, расплывающееся безцвѣтными свѣтотѣнями. Много громкихъ словъ было брошено въ воздухъ, много искреннихъ, повидимому, слезъ звучало въ словахъ, произнесенныхъ надъ могилой, гостепріимно открывшею свои холодныя объятія поэту, унесшему съ собою, по словамъ критики *), огромные задатки поэтическаго дара, проявившіеся въ прекрасныхъ формахъ... Но время показало болѣе чѣмъ ясно, какъ мало значатъ и слова, и слезы передъ всеразрушающей силою забвенія.

---

*) В. В. Чуйко: «Современная русская поэзія». Спб., 1885. Стран. 146—159.

Схоронили—позабыли!

Это лаконически краткое, но многозначительное, выраженіе оправдалось тутъ со всею своей грустной точностью.

Среди творцовъ нашего художественнаго слова не мало можно найти такихъ, которымъ сопутствуетъ эпитетъ «забытый». Къ забытымъ поэтамъ иные памятливые журналисты еще недавно, ни мало не сомнѣваясь, относили, по своему личному произволу, даже Тютчева, даже гр. Алексѣя Толстого, не говоря уже о Меѣ, которому въ ихъ многорѣчивыхъ устахъ даже и нѣтъ другого названія. Между тѣмъ, какъ первыхъ двухъ никогда никто изъ грамотныхъ русскихъ людей и не думалъ забывать, точно также и посмертная участь автора «Царской невѣсты» не можетъ казаться печальною—въ сравненіи съ дѣйствительно позабытыми литературными именами.

Русское забвеніе—обидное забвеніе: мы позабудемъ—какъ ножомъ отрѣжемъ! Тяжело видѣть, какъ забывается то, память о чемъ должна быть дорогой и незабвенной... «Таланты на Руси не любятъ долго жить»; это—глубоко печальный фактъ. Но несравненно прискорбнѣе сознавать, что «Русь» не любитъ долго помнить объ этихъ талантахъ, если сама судьба не позаботится объ оставляемомъ ими наслѣдіи.

Имя Садовникова придавлено тяжестью жестокаго русскаго забвенія болѣе, чѣмъ чье-нибудь

другое: оно было вычеркнуто изъ памятныхъ списковъ—даже сверстниковъ-собратьевъ—чуть-ли не на другой день послѣ похоронъ талантливаго поэта. Если порою о немъ случайно и вспоминаютъ въ современной литературѣ, то почти всегда обнаруживаютъ при этомъ полнѣйшее незнакомство съ его произведеніями. Бывали случаи, что даже такъ называемые присяжные критики смѣшивали его съ также преждевременно умершими стихотворцами Соймоновымъ и Симборскимъ, несмотря на то, что ни тотъ, ни другой не имѣютъ съ Д. Н. Садовниковымъ ничего общаго ни по характеру творчества, ни по размѣрамъ поэтическаго дара. Первый изъ нихъ былъ больнымъ сыномъ желчнаго вѣка и, при всей нервной искренности, сказалъ очень немного о т ъ с е б я своими пессимистически настроенными «Недопѣтыми пѣснями», старательно собранными его друзьями и изящно изданными въ началѣ 90-хъ годовъ. Симборскій-же не ушелъ дальше крикливыхъ фразъ, начиненныхъ порывами чисто - публицистическаго свойства, и представляетъ—за исключеніемъ двухъ-трехъ стихотвореній—совершенно отрицательную для поэзіи величину, немногимъ бо́льшую таинственнаго г-на П. Я., вотъ уже нѣсколько лѣтъ наводняющаго страницы двухъ петербургскихъ ежемѣсячниковъ своими безнадежно плохими, хотя и насквозь пропитанными гражданской скорбью, виршами.

Если съ кѣмъ и можно было-бы еще сравнить Д. Н. Садовникова, то съ И. З. Суриковымъ; и то необходимо оговориться при этомъ, что позабытый поэтъ стоялъ несоизмѣримо выше послѣдняго/ какъ по степени развитія чувства изящнаго, такъ и по свѣжести художественнаго замысла своихъ произведеній./ Самое-же вѣрное—не примѣнять къ нему сравнительнаго шаблона критики, а разсматривать его поэзію безотносительно, какъ нѣчто вполнѣ самостоятельное, чѣмъ она и является въ дѣйствительности.

III.

«Оборвàлась пѣсня на полсловѣ, до конца та пѣсня не допѣта!» —заканчивается одна изъ легендъ Садовникова. Эти слова съ полной справедливостью можно примѣнить и ко всей его поэтической дѣятельности, столь незаслуженио забытой не только читателями, но даже и сверстниками-собратьями Дм. Н—ча.

Широкіе замыслы, созрѣвавшіе въ сердцѣ поэта, не успѣли полностью воплотиться въ краски и звуки; но положительно на всемъ, вышедшемъ изъ-подъ его перз, лежитъ отпечатокъ вдохновенной мощи, которая исключаетъ всякую возможность участія въ сложномъ процессѣ творчества того, что̀, обыкновенно, называютъ «плѣнной мысли раздраженьемъ». Всё, въ чемъ проявилъ себя этотъ самобытный талантъ, лежитъ далеко въ сторонѣ отъ сомнительныхъ продуктовъ головной надуманности, такое изобиліе которыхъ замѣчается въ нашей современной литературѣ.

Излишне и рискованно было-бы высказывать

предположенія о томъ, что могъ-бы дать родной поэзіи этотъ столь богато одаренный отъ природы человѣкъ, но, и оборвавъ пѣсню «на полсловѣ», онъ не только унесъ съ собою въ могилу крупные задатки настоящаго художественнаго таланта, но успѣлъ проявить въ своихъ оригинальныхъ поэтическихъ произведеніяхъ дарованіе, ставящее его въ ряду выдающихся русскихъ поэтовъ.

Онъ внесъ въ поэзію ту освѣжающую струю, которая бьетъ изъ сердца народной стихіи, никогда не изсякая. Въ большинствѣ его—какъ эпическихъ, такъ и лирическихъ — стихотвореній замѣтенъ тотъ душевный подъемъ, который даетъ свободный размахъ мысли,—тотъ сердечный захватъ, который способенъ зажигать чувство. Какъ поэтъ, въ натурѣ котораго жилъ истинный художникъ,—онъ понялъ, что чарующая сила поэзія таится въ въ единеніи мыслей и образовъ, формы и содержанія, простоты и изящества. Неподдѣльная искренность тона придаетъ его лирическимъ стихамъ мягкій колоритъ задушевности и теплоты. Завидное богатство языка, мѣткость эпитетовъ, живая красота образовъ, выпуклость красокъ—дѣлаютъ эпическія его произведенія сильными и яркими. Чувство художественной мѣры, имѣющее такое громадное значеніе въ изящной словесности, соблюдено почти въ каждой написанной имъ строфѣ. Мелодичная музыка ритма и благоуханная свѣжесть со-

звучій, сливаясь въ одно прекрасное цѣлое, взаимно дополняютъ другъ друга.

Содержаніе поэзіи Садовникова, строго гармонирующее съ художественной техникою его произведеній, до нѣкоторой степени почерпнуто имъ въ сокровищницѣ изустнаго народнаго творчества, въ большей-же части своей—бережно выношено поэтомъ въ собственной душѣ, любовно воспринявшей духъ народа-пахаря—богатыря-народа и проникшейся непосредственностью его міросозерцанія. Типичныя по обрисовкѣ, крупныя по внутреннему замыслу, мощныя фигуры русскихъ «вольныхъ людей», вызванныхъ поэтомъ изъ мрака прошлаго, облеченныя въ живую плоть, согрѣтую горячей кровью, — выдержаны во всѣхъ чертахъ своихъ. Историческая-«былевая» правда придаетъ художественной правдѣ поэтическихъ картинъ Садовникова особенно яркій колоритъ. И всѣ эти картины словно освѣщены какими-то незримыми лучами.

Волга, любимая рѣка русскаго народа, отражается въ посвященныхъ ей стихахъ Дм. Н—ча, что называется, и широко, и глубоко. Читаешь иные стихи этого художника слова и не можешь понять, какимъ образомъ могло безслѣдно исчезнуть изъ лѣтописей литературы столь яркое и своеобразное дарованіе... Передъ вами—лицомъ къ лицу вся эта вѣющая вольной волею, дышащая силой-удалью, говорящая своими картинами жизнь. Вы

слышите бурливый прибой волнъ могучей рѣки, подтачивающей каменныя крѣпи горъ... До вашего слуха доносится вѣщій шумъ лѣса... Васъ пригрѣваетъ своими лучами благодатное лѣтнее солнышко... Надъ вами высоко-высоко въ небесной глубинѣ разливается тающими трелями пѣсня жаворонка... Чу, раздаются мѣрные всплёски веселъ; вы вслушиваетесь, вы вглядываетесь въ даль: на васъ изъ-за излучины причудливо вьющейся, широко разлегшейся въ своемъ гигантскомъ руслѣ, рѣки выплываютъ «расписные острогрудые челны» съ разудалыми молодцами, которымъ все—по-плечу. Рвется изъ могучей груди плавная пѣсня, разливается—голосистая—по широкому раздолью... Ее смѣняетъ безшабашная «пѣсня», отъ которой всѣ жилочки такъ и ходятъ, всѣ суставы говорятъ... Выступаютъ изъ-за лѣса дремучаго, летятъ по поднебесью, орлами ширяютъ надъ вершинами Жегулей воскрешонныя поэтомъ тѣни стародавнихъ преданій... Васъ подхватываетъ, васъ несетъ на себѣ мощная волна былой жизни... И все это дѣлаетъ размашистая, сочная кисть вдохновеннаго пѣвца Волги... Неотразимая власть непосредственнаго впечатлѣнія говоритъ о чарующей силѣ дарованія талантливаго поэта.

«Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удальство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...

«Давно въ горахъ не свищетъ пуля,
Кистень въ лѣсу не сторожитъ;
Лишь чайка въ воздухѣ дрожитъ,
Свою добычу карауля...

«Изъ трубъ поселка дымъ взлетаетъ,
Земля сохою поднята,
Стучитъ топоръ, и выплываютъ
Въ горахъ сѣдые беркута̀...

«Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ.

«И пѣсня та путиной долгой—
И величава, и стройна—
Несется вмѣстѣ съ синей Волгой,
Кидая въ душу сѣмена...

«Кто пѣсню вольную заслышитъ,
Кто отъ души ее споетъ,—
Любое сердце расколышетъ,
Любыя цѣпи разобьетъ!»

Волжскія пѣсни и легенды... Какъ хороши онѣ у самобытнаго поэта-волжанина! Но не хуже ихъ типичные волжскіе пейзажи его, хотя какъ-будто и набросанные легкими и даже неотдѣланными штрихами, но—при всемъ этомъ—явно выдающіе въ наблюдательномъ пѣвцѣ-художникѣ большого мастера своего искусства.

«Зеленыя горы!.. Здѣсь—каждый бугоръ
Особое носитъ названье;

*

Глухіе овраги, расщелины норъ
Хранятъ у себя съ незапамятныхъ поръ
Поросшее мохомъ преданье...

«Среди этихъ темнозеленыхъ холмовъ
Сказанія мѣстнаго слово,—
Какъ крикъ выплывающихъ въ небо орловъ,
Какъ шумъ отдаленный сосновыхъ лѣсовъ,—
И дико, и вмѣстѣ сурово»...

Этотъ отрывокъ изъ легенды «Полонянка» могъ-бы служить не только красивымъ, но и выразительнымъ, эпиграфомъ вообще ко всѣмъ эпическимъ стихотвореніямъ Садовникова.

Лучшими изъ навѣянныхъ Волгою произведеній Дм. Н—ча являются тѣ, которыя посвящены Стенькѣ Разину, затѣмъ—«Усолка» и «Богатырь-Дѣвка», «Попутный вѣтеръ» (сказка), «Полонянка» («На старой Волгѣ») и «Изъ волжскихъ пѣсенъ» (пестрый рядъ мелкихъ стихотвореній). Вотъ, напримѣръ, четыре наброска изъ послѣдней серіи, характерныхъ для своего вооруженнаго зоркимъ взоромъ автора:

«Ущелья залиты весеннею водой...
Межъ небомъ и землёй, на голубомъ просторѣ,
Красавцы-Жегули вздымаются грядой—
Какъ островъ, брошенный въ раскинутое море.

«Овраги тёмные кой-гдѣ еще таятъ
Пласты тяжелые подтаявшаго снѣга,
И горные ручьи—сливаясь въ водопадъ—
Шумятъ и на-рѣку кидаются съ-разбѣга...

«Водой подмытые, несутся съ крутизны,
Шумя и прыгая, тяжелые каменья,
Съ собою унося покорныхъ жертвъ весны—
Прибрежные кусты—въ широкое теченье»...

Во второмъ наброскѣ—передъ вами возстаетъ, дыша суровой правдою жизни, цѣлая трагедія, выхваченная прямо изъ открывшагося поэту сердца природы, покоряемой человѣкомъ-хищникомъ:

«Десятки верстъ взбѣгаютъ горы,
Природный каменный оплотъ,—
На нихъ не встрѣтятъ ваши взоры
Ни стѣнъ, ни башенъ, ни воротъ.

«Надъ гладью Волги бровью черной
Идетъ верхами темный боръ,
Храня ревниво и упорно
Неувядаемый уборъ.

«Вкругъ мощныхъ дѣдовъ въ три обхвата
Стоитъ рѣдѣющая рать,—
Она готова братъ за брата,
Не отступая, умирать...

«То—горсть героевъ безоружныхъ
Спокойно ждетъ своей поры,
Когда придутъ изъ селъ окружныхъ
И разомъ примутъ въ топоры»...

Слѣдующій набросокъ выдвигаетъ передъ читателями типичную фигуру современнаго крѣпыша-поволжанина, встающую изъ развертывающихъ широкое полотно вѣющей живой жизнью картины восьми положительно кажущихся скульптурными

строчекъ во весь свой недюжинный, чуть-чуть не богатырскій, ростъ:

«Въ бударкѣ кто-то вдругъ мелькнулъ, затѣмъ—исчезъ;
Вотъ снова вскинуло кумачную рубаху...
Смѣльчакъ одинъ плыветъ, сѣдой волнѣ въ-разрѣзъ,
Не покоряяся спасительному страху...

Съ вершины Жегулей крыломъ своимъ горычъ
Наноситъ быстринѣ удары за ударомъ...
Авось, Богъ милостивъ! Какъ бросить магарычъ?
Какъ водки не попить съ пріятелями даромъ?!»

Въ четвертомъ — «вѣтеръ безъ устали дуетъ, Волгу взрывая до дна; буря шумитъ и лютуетъ, мутная ходитъ волна»... Вотъ эта тенденціозно лютующая буря:

«Волнъ бѣлогривые гребни
Грозно рядами идутъ
И, разбѣгаясь на щебнѣ,
Пѣной пески обдаютъ...

«Вѣтеръ въ налетѣ могучемъ
Тучей вздымаетъ пески;
О-землю бьются по кручамъ—
Чуя бѣду—тальники...

«Къ пристани свалены груды
Бревенъ, раскиданныхъ дровъ;
Щепки разбитой посуды
Тянутся вдоль береговъ...

«— Зла безъ добра не бываетъ!—
Такъ разсуждаетъ народъ:
— Буря купцовъ раззоряетъ,
Дровъ бѣдняку подаетъ!..»

Много можно было-бы еще привести отрывков и набросковъ, вынесенныхъ вдохновенiемъ поэта съ береговъ родного Поволжья, но достаточно и этихъ, чтобы видѣть, что авторъ ихъ былъ болѣе чѣмъ вправѣ обратиться къ Волгѣ со слѣдующими словами:

«Тебѣ несу стихи, рѣка моя родная, —
Они — навѣяны и созданы тобой —
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Какъ рыбки вольныя сверкаютъ чешуёй.

«Просторъ песковъ твоихъ, лѣсовъ живыя краски,
Разливы вешнiе ликующей воды
И тёмныхъ Жегулей преданiя и сказки
На нихъ оставили замѣтные слѣды.

«Я выросъ близъ тебя, среди твоей природы,
На берегахъ твоихъ я рѣчь свою ковалъ
Въ затишьи вечеровъ и въ шумѣ непогоды,
Когда — сердитая — ты разгоняла валъ...

«...И я не позабылъ, живя съ тобой въ разлукѣ,
Разбѣга мощнаго твоей живой волны
И вотъ несу тебѣ мятежныхъ пѣсенъ звуки, —
Ты навѣвала ихъ, *тобой* они полны!..»

IV.

Не зная хотя-бы одной изъ пѣсенъ Садовникова о Стенькѣ Разинѣ, нельзя составить и сколько-нибудь близкаго къ дѣйствительности понятія о силѣ и самобытности его поэтическаго таланта.

По словамъ Я. П. Полонскаго, близко знавшаго Дм. Н—ча и высоко цѣнившаго его дарованіе, имъ былъ задуманъ стройный циклъ изъ двѣнадцати пѣсенъ-легендъ, посвященныхъ этому послѣднему богатырю народнаго эпоса, — легендъ, объединенныхъ связующимъ художественнымъ замысломъ. Задуманное пришлось поэту довести едва только до половины. Но и теперь яркая личность вольнаго поволжскаго ушкуйника вырисовывается могучимъ обликомъ въ звучныхъ и сильныхъ стихахъ своего вдохновеннаго пѣвца.

Поэтъ выводитъ удалого Степана съ самаго начала его богатырства - разбойничанья, — когда «исполнилось Стенькѣ пятнадцать лѣтъ, съ Ярославля Стенька въ кашевары сѣлъ къ именитому разбойнику Уракову»... («Атаманъ и есаулъ».) Изъ каше-

варовъ будущая гроза Понизовья быстро попадаетъ прямо «въ есаульчики». Увидѣлъ старый разбойникъ «соколенка по нáпуску», «подростка — по замыслу», — увидалъ, рѣчь къ нему повелъ: «Не рука тебѣ, малый, кашу варить: давай-ка, Стенька, дружбу водить, разбивать посуду мимоѣзжую, богатыя сёла на дымъ пущать! Прокормила меня Волга-матушка, пріючали горы Жегулевскія... Али намъ двоимъ да и мѣста нѣтъ — атаману Уракову съ Разинымъ?!». Согласился молодой кашеваръ пойти «въ подручники» къ атаману: «пойти», — говоритъ, — «пойду, чуръ — не каяться!».

Вѣрный народному идеалу, поэтъ рисуетъ своего героя-разбойника грозою бояръ-вельможъ, купцовъ-богачей, бичомъ міроѣдовъ-утѣснителей и въ то-же самое время благодѣтелемъ бѣдноты, мужичьимъ заступникомъ, отцомъ роднымъ непокрытой голи перекатной.

И здѣсь — въ пѣснѣ-былинѣ Д. Н. Садовникова о первыхъ подвигахъ Стеньки — этотъ герой-разбойникъ является такимъ-же. Проплываетъ мимо Уракова стана «суденышко»... Атаманъ хочетъ напасть на него, а есаулъ-Степанъ: «Не замай, — бѣдно! Коли взялъ Степана въ товарищи — на такой барашóнъ не заглядывайся, поджидай товару настоящаго!» То-же самое было и на другой день, когда запримѣтили жадные Ураковы глаза другое суденышко — «богатѣй того». Зло взяло атамана. Онъ, —

продолжаетъ свой разсказъ поэтъ, — выхватывалъ пистолю изъ-за пояса, выпускалъ въ него (Стеньку) зарядъ да приговаривалъ: — Не летать галчонку впереди орла! Не бывать мальчишкѣ мнѣ указщикомъ!». Но даже и пуля не беретъ удалого: «Есаулъ отъ пули не пошàтнулся, на кудряхъ чернà шляпа не ворòхнулась, атаманову пулю взадъ катитъ, взадъ катитъ да приговариваетъ: — не кидайся зря, пригодятся, братъ!»... Легенда, кончается совсѣмъ былиннымъ складомъ:

«Атаманушка со страху окарàчь ползъ;
А Степанъ хваталъ пистолю разряжонную,
Онъ безъ пороху разбойника на мѣстѣ клалъ, —
Собиралъ его удàлыхъ добрыхъ мòлодцевъ,
Говорилъ имъ — разудалый — таковы слова:
— Покажу вамъ, братцы, волюшку пошире той!
Айдате-ка, ребята, подъ Астрахань!..»

Въ другихъ пѣсняхъ-легендахъ Разинъ является у своего пѣвца уже въ болѣе зрѣлую пору жизни — въ разгарѣ безстрашнаго, или (точнѣе) дерзкаго, молодечества. Какъ и для сказочныхъ богатырей, опоэтизированныхъ въ народномъ эпосѣ, нѣтъ для Стеньки ничего недостижимаго, ничего запретнаго. Счастье-удача гонится за нимъ по пятамъ, куда бы онъ ни шелъ, на что бы ни рѣшался. Тѣшитъ Стенька свою волюшку, бросаетъ вызовъ въ глаза всякой бѣдѣ-напасти. «Я-ли, разудалый», — говоритъ онъ, — «смерти не боюся, сло-

вомъ боронюся!» Онъ—суевѣрный сынъ своей судьбы... Даже попавши «въ бѣлый каменный домокъ, подъ висячій подъ замокъ», не унываетъ удалая голова. «Не пора-ли намъ, товарищи, на Волгу на рѣку?»—говоритъ онъ на второй-третій день заключенія своимъ тюремнымъ сосѣдямъ («Въ острогѣ»). Стоило ему начертить углемъ на стѣнѣ лодку да плеснуть на нее водою изъ ковшика, какъ: «... очутились на рѣкѣ въ разукрашенномъ стружкѣ».. Чѣмъ-то миѳическимъ вѣетъ отъ этого поистинѣ богатырскаго облика:

«...На кормѣ-ли самъ хозяинъ
Усмѣхается-стоитъ,
Усмѣхается-стоитъ,
Товарищамъ говоритъ:

«— Ночѐсь крѣпко мнѣ спалбся,
Братцы, сонъ я увидалъ—
Будто царскій воевода
Стеньку Разина поймалъ!..»

Гроза купцовъ-богатѣевъ, непобѣдимый-неуязвимый богатырь въ глазахъ готовыхъ идти за него на жизнь и на смерть товарищей-разбойниковъ,—Степанъ ни во что не цѣнитъ свою удалую голову. Рука у Разина тяжелая, да сердце разгарчивое. «Зазнобила атамана, отучила ото сна раскрасавица Алёна—чужемужняя жена»... («Зазноба»). И вотъ, чтобы свидѣться съ ней да склонить ее на

любовь, грозный атаманъ переряживается купцомъ и, рискуя жизнью, начинаетъ ходить по городскому посаду мимо ея оконъ. «Мужъ сидитъ въ ряду гостиномъ да алтынамъ счетъ ведетъ, а жена одна скучаетъ, тонко кружево плететъ. Стенька ходитъ, рѣчь заводитъ, не скупится на слова; у Алены сердце бьется, не плетутся кружева»... Настойчиво преслѣдуетъ разбойникъ свою цѣль, но не сдается атаманова зазноба, хотя мысленно и сама соглашается съ тѣмъ, что «не удержатъ ретивдго ни запоры, ни замки», хотя и у ней разгорается пдлымемъ страсти молодое сердце...

«На груди ея высокой
Такъ и ходитъ ходенёмъ
Перекатный крупный жемчугъ
Съ золотистымъ янтаремъ...

«Чтд ей молвить?!. Совѣсть зазритъ
Слушать льстивыя слова,
Страхомъ зà-сердце хватаетъ,
Какъ въ туманѣ голова...»

Любъ ей красавецъ-купецъ, да не забываетъ Алена о томъ, что она—мужняя жена. Какъ ни старается улестить ее Степанъ, не берутъ ея никакія слова! «Ну, коль этакъ, — молвитъ Стенька: такъ, на чью-нибудь бѣду, я — непрошенный — сегодня ночью самъ къ тебѣ приду!»... А у Разина— чтд задумано, то и сдѣлано.

«Плохо спится молодицѣ;
Полночь близко... Чу! Сквозь сонъ
Половица заскрипѣла...
Неужели это онъ?!

«Не успѣла ахъ промолвить,—
Кто-то зà-руку беретъ,
Горячо въ уста цѣлуетъ,
Къ ретивóму крѣпко жметъ...

«— Что ты дѣлаешь, разбойникъ?
Ну, проснется, закричитъ?!
— Закричитъ, такъ живъ не будетъ...
Пусть-ка лучше помолчитъ!

«Не ошиблась ты словечкомъ,—
Чтò вводить тебя въ обманъ:
Не купецъ—казакъ я вольный,
Стенька Разинъ атаманъ!

«Городъ Астрахань провѣдать
Завернулъ я по пути,
Чтобъ съ тобой, моя голубка,
Только ночку провести!

«Ловко Стеньку ты поймала,
Такъ держи его, смотри,
Бѣлыхъ рукъ не разнимая,
Вплоть до утренней зари!..»

Удальство является у Стеньки исключительной чертою отношеній къ любушкамъ-зазнобушкамъ, отъ которыхъ не застраховано и молодецкое сердце грознаго атамана. Но и любовь не въ силахъ заставить его измѣнить основамъ товарищества. Вотъ, напримѣръ, въ другой легендѣ, онъ плыветъ по широкому раз-

долью Волги-матушки, справляя свадьбу съ полоненною персидской княжною. «Ничего не пожалѣю! Буйну голову отдамъ!»—шепчетъ онъ въ истомномъ забытьи, склоняясь къ раскрасавицѣ. И вы чувствуете, что онъ, дѣйствительно, способенъ отдать за любовь свою буйну голову. Но достаточно было услышать атаману ропотъ станичниковъ на то, что онъ «промѣнялъ» ихъ «на бабу», какъ нежданно-негаданно собралась буря подъ его грозно нависшими бровями...

«Эхъ, кормилица родная,
Волга, матушка-рѣка!
Не видала ты подарковъ
Отъ донского казака!
«Чтобы не было зазорно
Передъ вольными людьми,
Передъ вольною рѣкою,
На, кормилица, возьми!..—

восклицаетъ онъ, и—«мощнымъ взмахомъ поднимаетъ полоненную княжну и, не глядя, прочь кидаетъ въ набѣжавшую волну».

Грабитъ Стенька купеческія суда, облагаетъ непосильными данями бояръ, проливаетъ рѣки крови, собирая свои несмѣтныя богатства; но въ его обагренной кровью душѣ нѣтъ и тѣни корыстолюбія, свойственнаго ворамъ-разбойникамъ. Готовъ онъ бросать недобрымъ трудомъ добытое добро направо и налѣво, одѣляя имъ голь-бѣдноту, щедрой рукою расплачиваясь за каждую свою прихоть.

Надоскучило Степану проливать изъ-за добычи кровь христіанскую, заговорила въ немъ совѣсть, захотѣлъ онъ поработать родному краю. И вотъ полетѣлъ соколъ со своими соколятами налетомъ на земли персидскія—по тому-ли по синему морю Хвалынскому. Вволю погуляла, напировалась вдосталь удалая русская вольница въ басурманской землѣ, запугалъ Степанъ ворога Святой Руси. Дошли объ его молодечествѣ вѣсти и до златоверхаго кремля Москвы Бѣлокаменной...

Въ пѣснѣ-легендѣ «Астраханскій загулъ» выводитъ Д. Н. Садовниковъ своего излюбленнаго героя возвращающимся изъ Персидскаго похода. «Государевымъ указомъ»,—говоритъ поэтъ,—«всѣ прошедшія вины атаману-вору Стенькѣ съ голытьбою прощены... Откачнулся разудалый прочь отъ Шаховой земли и опять на Волгу сгрудилъ всѣ суда и корабли. Снова Стенькѣ съ казаками вплоть до Дона вольный ходъ, и—до Астрахани Волгой онъ на Соколѣ плыветъ. Вотъ и устье съ камышами, святорусская земля; вотъ и башни зачернѣли астраханскаго кремля. Съ каравана шумъ несется, пѣсни, крики и пальба. Дуетъ свѣжая моряна въ парусовые зоба. Вьются шали дорогія на мачтồвыхъ деревахъ; снасти шелкомъ перевиты, позолота на кормахъ. А на пристани собрался астраханскій вольный людъ,—машутъ шапками на Волгу, не расходятся и ждутъ. Сходни сброшены на берегъ;

атаманъ впередъ идетъ; передъ соколомъ залетнымъ разступается народъ. Да и есть чему дивиться,— воротъ золотомъ расшитъ, на кудряхъ сибирскій соболь, на кафтанѣ аксамитъ. А за нимъ толпою пестрой сходятъ царскіе стрѣльцы и низовые бурлàки, и донскіе удальцы. Здравствуй, батюшка родимый!—Всѣ кричатъ, и старъ, и малъ.—По добру-ли, по здорову? Гдѣ, кормилецъ, пропадалъ?—На царя работалъ, братцы; за святую бился Русь. Вотъ опосля, время будетъ—здѣсь дѣлами разберусь! А теперь гулять пригрянулъ,—пей, народъ, на Стенькинъ счетъ!—И съ ватагою казацкой шумно городомъ идетъ. Всѣхъ поитъ, не разбирая, государевымъ виномъ, серебро горстями мечетъ, стелетъ улицу сукномъ. А бабьё и дѣвки ловятъ отъ удàлыхъ на-расхватъ—бирюзу, цвѣтныя бусы и парчу, и канаватъ. Словно городъ, весь огуломъ, сталъ царевымъ кабакомъ: только Стенька показался,— все по городу вверхъ дномъ. Съ воеводой вмѣстѣ ходитъ,—по кормленому плечу бьетъ рукой да шутки шутитъ:—Не ворчи! Озолочу!—А чего ворчать? Недаромъ воевода съ нимъ въ ладу: Стенька будетъ посильнѣе воеводы въ городу. За Степаномъ, только свистни,—колыхнется весь народъ; а кому охота биться за царевыхъ воеводъ?!»

Въ легендѣ «Стенькина шуба», связанной по содержанію съ «Астраханскимъ загуломъ», пѣвецъ вольныхъ людей рисуетъ своей размашистой кистью

картину разошедшейся во-всю народной удали... «Отъ казацкаго похмѣлья захмѣлѣла вся рѣка, на судахъ и пьютъ, и пляшутъ»,—начинается это стихотвореніе, съ каждою новой строкою выдвигающее все новыя и новыя черты живой были. Воевода отъ Степана не отходитъ, «такъ и льнетъ». Стенька пьетъ изъ одного съ нимъ жбана. («На, попробуй воровского! — шутку шутитъ атаманъ...»). Подарки за подарками сыплются воеводѣ отъ тороватаго разбойника... «Наложилъ добра въ амбары воевода семь подводъ..» Но алчность его завидущихъ глазъ не знаетъ предѣла: проситъ онъ то, клянчитъ другое; наконецъ—«со Степана дорогую шубу тянетъ за рукавъ». Разинъ не соглашается отдать: «Ну, братъ, шубой не уважу! Есть на ней большой завѣтъ!...» Ненасытный—грозится «цареву милость такъ и этакъ повернуть». Легенда кончается слѣдующими выпукло дорисовывающими крупную фигуру атамана строками:

«...Крѣпится Стенька,—
Привскочилъ-бы онъ съ ковра,
Показалъ-бы воеводѣ,
Да не Стенькина пора!..

«— Ты вѣдь, если разойдешься,
Такъ намелешь сгоряча...
Пошутилъ я!—И спускаетъ
Шубу цѣнную съ плеча.

«— На, старикъ! Бери, да помни,
Что и я порой сердитъ!..
Не надѣлала-бы шуба
Много шуму!—говоритъ...»

Въ черновыхъ тетрадяхъ Д. Н. Садовникова остался набросокъ третьяго, заключительнаго, стихотворенія этой трилогіи—«Судъ». Въ немъ поэтъ возвращается со Стенькою въ Астрахань по прошествіи нѣкотораго времени, но уже въ нѣсколько иной обстановкѣ: «Выручать соболью шубу ѣдетъ Разинъ атаманъ». Шуба, дѣйствительно, надѣлала много шуму: Стенька беретъ городъ приступомъ, и не захотѣвшій покориться воевода сброшенъ съ колокольни.

Но не одна лихая удаль, не только грозное молодечество на могучей душѣ атамана, опоэтизированнаго пѣвцомъ волжской вольницы. Не чужды ему и болѣе мягкія движенія человѣческаго сердца. Судьба, играя его богатырской силою, задѣваетъ порою и самыя чувствительныя струны души. Вотъ, напримѣръ, какимъ рисуетъ его поэтъ въ преданіи «Настасьина могила»:

«За Степановой за любой,
За Настасьей молодою,
Цѣльный мѣсяцъ смерть ходила
Сухопутьемъ и водою;

«Привязалась лютой скорбью,
Извела былую силу

И свела порой осенней
Прежде времени въ могилу.

«Самъ Степанъ ножомъ булатнымъ
На горѣ ей яму роетъ;
Ни души кругомъ,—лишь вѣтеръ
Въ буеракѣ воймя-воетъ...

«Чѣмъ примѣтить это мѣсто
Для того, чтобъ видно было
Съ Волги, со̀ степи, изъ лѣсу—
Гдѣ Настасьина могила?..

«Какъ на грѣхъ, вездѣ всё пусто,
Только степь кругомъ да камень,
А вдоль Волги, по вершинамъ—
Зеленѣющая ра̀мень...

«Чу! Скрипятъ колёса... Смотритъ:
По дорогѣ, возъ за возомъ,
Со стекломъ торговцы ѣдутъ—
Видно, съ ярмарки—обозомъ.

«— Стой!.. Опрастывай живѣе!..—
Крикнулъ имъ Степанъ съ кургана...
А Степанъ шутить не любитъ,—
Надо слуша̀ть атамана..

«— Поворачивайся живо!
Подвози, вали все въ кучу!
Опрокидывай телѣги,
Выноси товаръ на кручу!..—

«И съ утра до темной ночи
Вылъ кругомъ лишь вѣтеръ вольный,
Да надъ Настиной могилой
Раздавался звонъ стеко̀льный!..

«— Вотъ вамъ денегъ за работу,
Подѣлите да и съ Богомъ!
Чуръ, не вмѣстѣ поѣзжайте,
А по разнымъ по дорогамъ!

«Вы вѣдь рѣзанцы, да воры,—
Только этимъ и живете,
Изъ-за стертаго алтына
Брату горло перервете!..

«Если спросятъ, гдѣ достали,—
Говорите, что отрыли
Этотъ кладъ въ лѣсной трущобѣ,
На Настасьиной могилѣ!..»

Въ этомъ Стенькѣ Разинѣ—роющемъ булатнымъ ножомъ могилу своей «любѣ»—предъ вами уже не только атаманъ-головорѣзъ, не только ушкуйникъ, но и человѣкъ съ большимъ, хотя и разбойничьимъ, сердцемъ...

V.

Стенька Разинъ — типичнѣйшій представитель русскихъ вольныхъ людей — болѣе всего занималъ богатое поэтическое воображеніе Д. Н. Садовникова, какъ эпическаго поэта. Отражались, однако, въ его художественномъ зеркалѣ и другіе героическіе образы минувшаго. И, судя по тому, что̀ онъ успѣлъ высказать въ своихъ стихахъ въ этомъ родѣ, можно было ожидать отъ него, дѣйствительно, очень многаго.

Вотъ, напримѣръ, съ какимъ творческимъ подъемомъ, съ какимъ широкимъ размахомъ кисти выписанъ поэтомъ - художникомъ хотя-бы слѣдующій могучій образъ давняго былого («Стрѣла», татарское преданіе):

«Кучумъ, сдержать не въ силахъ гнѣвъ,
Сказалъ:—Позвать ко мнѣ Ахмета!
Онъ смѣлъ ослушаться меня,—
Пускай поплатится за это!..

«Татаринъ входитъ молодой
Въ шатеръ разгнѣваннаго хана,
И говоритъ ему Кучумъ
Среди собравшагося стана:

«— Ослушный рабъ! Когда шутить
Ты вздумалъ дерзостно со мною,—
Такъ знай-же, за свою вину
Заплатишь завтра головою!..

«— Въ твоихъ рукахъ я, мощный ханъ.
Не страшно мнѣ лишиться жизни,
Но думалъ я, что, можетъ быть,
Ее пожертвую отчизнѣ...—

«Нахмурилъ брови ханъ Кучумъ
На рѣчи смѣлаго Ахмета:
— Когда ты правду говоришь,
Такъ докажи мнѣ: до разсвѣта

«Ступай сегодня къ казакамъ
И мнѣ изъ середины стана,
Во что-бъ ни стало, укради
Стрѣлу казацкаго колчана!..

«Ахметъ выходитъ. Вслѣдъ за нимъ
Идетъ толпа татаръ густая,
На гибель вѣрную и смерть
Его глазами провожая.

«...Проходитъ ночь, Ахмета нѣтъ,—
Кучумъ не спитъ, боясь измѣны;
Всю ночь вкругъ ханскаго шатра
На стражѣ латники безъ смѣны.

«Заря растетъ, и новый день
Встаетъ среди людского шума...
Подходитъ кто-то, не спѣша,
Къ шатру могучаго Кучума

«И хану проситъ доложить,
Что онъ исполнилъ повелѣнье.
Ведутъ къ Кучуму; тотъ глядитъ,
Не въ силахъ скрыть свое волненье...

«Сѣдой татаринъ передъ нимъ
Стоитъ съ полупотухшимъ взоромъ
И подаетъ ему стрѣлу—
Съ нѣмымъ, но тягостнымъ, укоромъ.

«Онъ посѣдѣлъ за эту ночь,
Сдержавъ обѣщанное слово:
Проползъ одинъ въ казачій станъ
И старцемъ сталъ изъ молодого...

Презрѣньемъ взоръ его горитъ...
Рабамъ покорнымъ онъ не сроденъ...
Ханъ отвернулся:—Уходи
Отсюда, дерзкій! Ты свободенъ!..»

Это стихотвореніе съ честью могло-бы занимать мѣсто въ собраніи сочиненій любого первостепеннаго поэта. Что за мощь слышится въ заключительномъ аккордѣ этой пьесы—въ послѣднихъ четырехъ стихахъ! Они словно вылѣплены изъ мрамора,—до того явственно выдѣляется изъ этихъ полныхъ энергіи строкъ яркій образъ «дерзкаго» Ахмета.

Славянское былое—съ его отчаянной борьбою за свободу—отозвалось громкимъ откликомъ въ поэмѣ Д. Н. Садовникова «Названецъ». Герой поэмы—Степанъ Малый, первый лже-Петръ, появившійся въ Черногоріи въ 1767-мъ году и—принятымъ на себя именемъ русскаго царя (Петра III-го)—поднявшій западныхъ славянъ противъ притѣснителей. Разсказъ объ этомъ перешедшемъ въ легенду историческомъ событіи, въ устахъ самобытнаго пѣвца

вольныхъ людей, звучитъ глубокимъ трагизмомъ, проникнутымъ неподдѣльнымъ чувствомъ.

«Я иду, Степанъ, прозваньемъ Малый,
Основать славянское единство,
Покорить турецкаго султана,
Сократить коварное латинство!..»

Призывъ вольнаго человѣка, отозвавшись въ сердцахъ подневольныхъ рабовъ, не раздался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: «вкругъ орла могучаго слетѣлись молодые сильные орлята: черногорецъ, сербъ, герцеговинецъ—поднялись, какъ три родные брата...» Словно Божій громъ, раздается могучій голосъ названца, грозный для поработителей славянства:

«...Я пришелъ посланникомъ свободы,
Васъ спасти отъ вражескаго гнета!
Серпъ готовъ. Давно созрѣли всходы,
Впереди—кровавая работа!...»

Поднялись славяне, но не дремлютъ и лютые вороги: «счету нѣтъ конямъ, палаткамъ бѣлымъ, свѣтлымъ саблямъ и цвѣтнымъ тюрбанамъ...» Какъ «потокъ—дитя снѣговъ нагорныхъ», ринулся Степанъ со своими, одушевленными любовью къ отчизнѣ, дружинами на ненавистныхъ османовъ.

«На враговъ кидая частымъ градомъ
Съ ближнихъ скалъ тяжелые каменья,
Сами горы словно ополчились
Посреди кроваваго смятенья;

Небо тучей темною закрылось,
Въ тучѣ грозно молнія зажглася,
Заметались огненныя стрѣлы,
Грянулъ громъ, и буря понеслася...
По разсказу пѣсни перелетной,
Громъ упалъ на оба вражьи стана—
На морлаковъ дожа Мочениго
И на турокъ сильнаго султана.
Убоявшись Божьяго насланья,
Два врага бѣжали въ безпорядкѣ!..»

Слава названца разлилась гусельнымъ перезвономъ по всему славянству, но она—эта слава—не была долговѣчна. На возставшихъ по мощному призыву названца нежданно-негаданно обрушилось горе: Степанъ ослѣпъ. Однако, и слѣпой, онъ не перестаетъ зоркимъ окомъ славянскаго сердца смотрѣть въ даль грядущаго. Сердце слѣпого орла полно свѣтлой вѣры въ освобожденіе славянъ. Печально влача дни въ тишинѣ убогой монастырской кельи, онъ всѣ свои, родныя угнетенному славянству, надежды и сомнѣнья дѣлитъ съ немногочисленными друзьями, окружающими его.

«Я силёнъ все той-же свѣтлой вѣрой
Въ ясный день великаго восхода:
Онъ придетъ!..»—

восклицаетъ онъ, но сердце его гложетъ опасенье, что въ народѣ начала уже оскудѣвать вѣра въ исходъ неравной борьбы:

«Безъ нея не двинешь эти горы,
Безъ нея—ничто мои воззванья!»—

говоритъ герой поэмы и тутъ-же, воспламеняясь могучимъ духомъ, продолжаетъ:

«Но я живъ! Скажите имъ, что скоро
Поведу на новый бой кровавый,
Посмѣюсь надъ вражьимъ ликованьемъ
И вернусь на родину со славой!
Вѣрный конь помчитъ меня, слѣпого,
Въ глубь земель турецкаго султана,
И опять враги на немъ увидятъ
Своего карателя Степана!
Дѣло, мною славно начатое,
Я куплю своей послѣдней кровью!..»

Разсказъ близится къ концу: «Дышитъ все въ обители Черницкой тишиной и мирною отрадой; человѣкъ свои хоронитъ страсти за ея высокою оградой; но душа ослѣпшаго названца не лежитъ къ монашескому миру: каждый день слуга любимый, Станко, для царя настраиваетъ лиру, запѣваетъ пѣсню боевую, по струнамъ отзывнымъ ударяетъ и слѣпца игрой своей искусной пробуждаетъ онъ и усыпляетъ... Мало-ль что купить на свѣтѣ можно?.. Продался и грекъ лукавый Станко: кошельки съ монетой золотою у султана—вѣрная приманка. Подъ напѣвъ своей обычной пѣсни, подъ ея чарующіе звуки, поднялись у Станко-вѣроломца на царя безтрепетныя руки... Не сбылись Степановы желанья»...

VI.

Выше говорилось уже о томъ, что Д. Н. Садовниковъ, воспринявъ могучій духъ русскаго народа, проникся непосредственностью его поэтическаго міросозерцанія.

Отголосокъ этого послѣдняго слышится чуть не въ каждомъ вышедшемъ изъ-подъ его пера стихотвореніи. Но едва-ли не съ наибольшей яркостью выразилась эта особенность его самобытнаго поэтическаго дарованія въ сказкѣ «Попутный вѣтеръ» («Вѣстникъ Европы», 1876 г., кн. II). Читая ее, вы невольно забываете, что предъ вами художественное произведеніе, а не памятникъ простонароднаго изустнаго творчества. Этому впечатлѣнію нисколько не мѣшаютъ ни выдержанная по всѣмъ правиламъ искусства красота своеобразно-изящнаго стиха, ни звучная—несвойственная народной пѣснѣ-былинѣ—риѳма.

Сказка начинается слѣдующей присказкою, переносящей читателя на берега родной поэту-сказателю Волги:

«Ясный день глядится въ воды,
Неба ровная лазурь
Не пророчитъ близкихъ бурь,
Перемѣнчивой погоды...
Вотъ—лебедокъ бѣлыхъ стая
На рѣкѣ разбила станъ:
Бѣлогрудый караванъ
Дремлетъ, вѣтра поджидая.
Нѣтъ попутному охоты
Двинуть грузныя суда,
Чуть колышется вода,
Виснетъ парусъ безъ работы»...

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ идетъ и самый сказъ. Передъ вами—пловцы-судовщики, ведущіе пó-вѣтру, водою могучей царицы рѣкъ русскихъ, тяжело нагруженный караванъ. Не пó-сердцу и не по карману имъ охватившее многоводную красавицу затишье. Надоскучило имъ, толстосумамъ, дремать на глубокой дорогѣ вмѣстѣ со своими «бѣлыми лебедками»—судами.

«Тронься, вѣтеръ ты низовый!
Полно, будетъ отдыхать!
Тучей темною свинцовой
Принакрой ты Волгу-мать!..
Разведи рѣчную воду,
Бѣляки сѣдые вспѣнь,—
Дай попутную погоду,
Отряхни скорѣе лѣнь!..
Что гуляешь безъ заботы,
Или волюшка мила?

Позабылъ свои налеты
Темнокрылаго орла»...

Заклинаютъ купцы-деньгоробы залѣнившійся вѣтеръ. И не безъ пользы для нихъ прошло это «моленіе вѣтру»:

«Набѣжали облака,
Затуманилася Волга,
Мать-кормилица рѣка»...

Во второй главѣ сказки преобразившійся въ сказочника поэтъ рисуетъ въ немногихъ, но слагающихся въ яркіе образы, словахъ картину пробужденья заслышавшаго мольбу судохозяевъ вѣтра. Вотъ она — во всей ея неподражаемой простотѣ:

«Задался по Божьей волѣ
Вѣтряный денёкъ,
Рыщетъ вѣтеръ въ чистомъ полѣ
Вдоль и поперекъ;
Вотъ хлѣбами пробѣгаетъ,
Пріутихъ на мигъ,
Вотъ съ прохожаго срываетъ
Шапку, озорникъ.
Покачнулись, зашумѣли
Тёмные лѣса:
Пѣной волны забѣлѣли,
Вздулись паруса»...

О-бокъ съ этой безхитростной картиною—новая, еще болѣе простая и несложная, взятая уже и не съ лона природы, а изъ охваченной этой-послѣднею жизни деревенской бѣдноты:

«Той порою изъ села
Старушонка внучкѣ
Съ торгу бережно несла
На полтину мучки...

«Какъ стерпѣть озорнику?
И хитёръ, и ловокъ,—
Подлетѣлъ и всю муку
Выдулъ изъ начёвокъ.

«Пущенъ пò-вѣтру укоръ:
—Ишь, полтиной мѣдной
Нажился залётный воръ
Отъ старухи бѣдной!..

«И нужда-то, и бѣда...
Изстари ведётся,
Что гдѣ тонко, тамъ—всегда
Ниточка и рвется!..

«Вся развѣяна мука
И ни гроша денегъ...
Безъ радѣльнаго сынка
Годъ-то тяжеленекъ!.».

Слѣдующія строфы вѣютъ на читателя уже настоящей сказкою,—хотя въ нихъ нѣтъ и слѣда фантастическаго элемента. Вы какъ-будто слышите медлительно-плавную рѣчь сѣдобородаго сказателя. Предъ вами воскресаетъ крылатая молвь того вымирающаго въ наши дни типа, который доживаетъ свои послѣдніе дни на архангельско-олонецкомъ сѣверѣ да па старой Волгѣ—этой упрямой хранительницѣ того живого великорусскаго языка, сокровищами котораго обогатилъ нашу ли-

тературу первый его кладоискатель—Владимiръ Даль, проложившiй къ его заповѣднымъ кладамъ торную путь-дорожку всѣмъ своимъ послѣдователямъ, начиная Кирѣевскимъ, Безсоновымъ, Рыбниковымъ, Якушкинымъ и кончая нынѣ на пользу отечественнаго народовѣдѣнiя здравствующими маститыми П. В. Шейномъ и С. В. Максимовымъ.

«Встрѣчу старухѣ—служивый какъ-разъ,
Не́-молодъ, видно, что дока;
Выслушалъ онъ о покражѣ разсказъ:
— Царь говоритъ, недалёко...
Счастье твоё, что попался солдатъ:
Правды въ Москвѣ лишь добиться!
Вѣтеръ-то въ полѣ поймаешь наврядъ,
А безъ суда не годится...
Только минуй ты московскихъ судей,
Разныхъ подъячихъ да дьяковъ,
Прямо царю ты челомъ своимъ бей:
Судъ у царя одинаковъ.
Правду, старуха, тебѣ говорю...
Вѣтеръ пусть по̀-полю рыщетъ,
Ты-же ступай да пожалься царю:
Онъ виноватаго сыщетъ!..—
— Гдѣ мнѣ дойти? Укажи, доведи:
Путь до Москвы тебѣ вѣдомъ!..
— Ладно, старуха, за мною иди!..—
Робко пошла она слѣдомъ..».

«Царь дѣлаетъ—Богъ вѣдаетъ!», «До царя дойду—правду найду!», «Судъ царёвъ—судъ Божiй!», «Правда—царю лучшiй слуга!», «Царь—

сердцемъ видитъ!», «Народъ вздохнетъ—до царя дойдетъ!» Недаромъ сложились въ народѣ эти старыя присловья, не мимо они молвятся съ незапамятныхъ поръ на Руси: въ нихъ отражается стоящій на незыблемыхъ устояхъ многовѣкового довѣрія простодушный взглядъ пахаря, создавшаго богатырскій эпосъ. «Только минуй ты московскихъ судей, разныхъ подъячихъ да дьяковъ, прямо царю ты челомъ своимъ бей: судъ у царя одинаковъ!» — говоритъ садовниковскій «служивый», вызвавшійся довести ограбленную вѣтромъ старуху «до Москвы». Сказка—скоро сказывается. Вотъ ужъ и добрели они съ Волги-матушки широкой до палатъ бѣлокаменныхъ.

«Высоки и свѣтлы, и богаты
Красовались царёвы палаты.
Всюду била въ глаза позолота,
Дорогая рѣзная работа,—
Залита была въ золото даже
Въ переходахъ стоявшая стража...

«Привели передъ грозныя очи:
Царь сидѣлъ многодумнѣе ночи
На рѣзномъ золочономъ сидѣньи;
Рядомъ—сынъ, а кругомъ въ отдаленьи—
Холодна и недвижно-угрюма—
Засѣдала боярская дума...
— Что вамъ надо?!—спросили сурово..
Началось челобитное слово».

Этого-послѣдняго поэтъ не приводитъ,—вѣроятно, изъ вполнѣ основательнаго опасенія удлин-

нить-затянуть свое скорое, по народному опредѣленію, сказаніе. Выслушала боярская дума, выслушалъ и царь-батюшка жалобу бѣдной старухи. Въ первый разъ приходилось судить такое, никому, кромѣ Бога, не подсудное, дѣло...

«Небывалое дѣло... Поставленъ на мигъ судъ вопросомъ такимъ въ неисходный тупикъ. Напряженно кругомъ всѣ рѣшенія ждутъ, призадумался царь: что подѣлаешь тутъ? Вдругъ сынокъ молодой—ясноокій соколъ, всталъ, отцу своему рѣчь такую повелъ:—Мѣсто царское мнѣ уступите на срокъ: я могу разрѣшить, что̀ суду невдомекъ! Мнѣ невѣдомъ законъ, и какой я судья,—но найду, укажу виноватаго я!..—И тревога видна въ его дѣтскихъ очахъ; и дрожитъ, какъ струна, эта рѣчь на устахъ. Царь отвѣтилъ ему:—Если чутко въ груди бьется сердце твое, такъ садись и суди!... И думца̀мъ объявилъ: —Станетъ сынъ, а не я, буйный вѣтеръ судить, это—воля моя!..—Тѣ не вѣрятъ ушамъ. Царь сказалъ и сошелъ; отрокъ-сынъ поднялся на отцовскій престолъ. Отъ царя услыхавъ не суровый отказъ, окружающимъ онъ далъ немедля наказъ:—Осѣдлайте коней вы, гонцы-молодцы, и гоните во всѣ городскіе концы! Тѣхъ купцовъ, у кого есть на Волгѣ суда, для допроса ко мнѣ приведите сюда!..»

Въ послѣдней, седьмой, главѣ сказки раскрывается самая картина суда, отъ первой до по-

слѣдней черты согласная съ простонароднымъ складомъ-ладомъ. «Буря купцовъ разоряетъ, дровъ бѣдняку подаетъ!»—говорилъ поэтъ въ заключительныхъ строкахъ одного изъ волжскихъ набросковъ, смотря духовнымъ взоромъ своего вдохновителя, народа, на лютующую волжскую бурю, разбившую купеческія барки. Теперь буйный братъ этой стихіи, вѣтеръ, попутно обездолилъ—въ своемъ молодецкомъ налетѣ—сердобольную старуху, сдавшись на мольбы купцовъ, дремавшихъ изъ-за его лѣниваго бездѣйствія на кормилицѣ-рѣкѣ вмѣстѣ со своимъ бѣлопаруснымъ («бѣлогрудымъ») караваномъ. Случай взятъ противоположный первому. Но и онъ разрѣшонъ пѣвцомъ вольныхъ людей, принявшимъ на себя и прекрасно выдержавшимъ съ начала до конца роль сказочника, съ той-же неизмѣнной вѣрностью народному духу, какъ и въ тотъ разъ.

«Передъ очи царёвы купцовъ привели;
У нихъ бороды густы, туги кошели.
На румяныхъ щекахъ горя нѣтъ и слѣда:
Не видали они, что̀ такое нужда...
И опять раздался голосокъ молодой:
— Когда ваши суда шли низо̀вой водой,
Вы молили о чемъ: о здоровьи семей,
Барышахъ-ли большихъ? Говорите смѣлѣй!..—
...Отвѣчали купцы: — Вѣкъ свой хлѣбъ продаемъ,
Такъ молили тогда мы извѣстно о чёмъ:
Какъ-бы съ низу задулъ по пути вѣтерокъ
Да тяжелую кладь довести намъ помогъ...

Внялъ моленью Господь... Въ срокъ поспѣли суда...
— Отъ молёнаго гостя случилась бѣда:
Вѣтеръ въ полѣ муку у старухи разнесъ,
Набѣдилъ и пропалъ... Кто заплатитъ? Вопросъ!..
За покражу теперь и несите отвѣтъ:
Былъ онъ нà-руку вамъ, да другому-то нѣтъ!..
Виноватые—вотъ! Заплатите съ лихвой!..—
...И съ деньгàми пошла старушонка домой»...

Съ такимъ трудомъ разысканная, Правда восторжествовала. Сказка о ней и ея стихійномъ нарушителѣ разсказана съ тѣмъ простодушнымъ мастерствомъ, на какое способенъ только русскій народъ, вѣрный преданіямъ и завѣтамъ родной старины, вѣками слагавшей внутренній міръ его жизни, доступный извнѣ лишь тѣмъ, кому дано отъ природы не только подходить къ нему, а и входить въ него всѣмъ существомъ. Но еще не доведенъ до конца сказъ о «Попутномъ вѣтрѣ».

«У царя на Москвѣ
Сынъ-надёжа растётъ!..—
По торгамъ-площадямъ
Загутòрилъ народъ»...

Безъ этихъ словъ, непосредственно слѣдующихъ у Д. Н. Садовникова за только-что приведенною картиною суда, недоставало-бы очень многаго, хотя это многое и вмѣстилось въ столь немногія строки.

VII.

Женскіе типы эпическихъ произведеній Д. Н. Садовникова представляютъ замѣчательное, не имѣющее себѣ предшественниковъ въ русской поэзіи, явленіе. Это—тѣ-же вольные люди, что и герои пѣсенъ и легендъ о Стенькѣ Разинѣ; но ихъ нравственный обликъ, жизнь ихъ души совершенно своеобразны.

Вотъ, напримѣръ, легенда «Богатырь-дѣвка» (нижегородское преданіе), простодушная героиня которой навсегда запечатлѣвается въ памяти своими выходящими изъ рамокъ шаблона, живыми и яркими чертами:

«Это было въ Нижнемъ городу...
(Сказъ мой—быль, не то что небылица!)
Разъ къ рѣкѣ Почайнѣ за водой
Вышла Дуня, красная дѣвица;
Чуть заря черкнула за окномъ,
Поднялась и—подцѣпивши бодро
Коромысло на плечи, пошла,
На ходу раскачивая вёдра...
Вѣтеръ свѣжій вѣялъ ей въ лицо,
Щеки рдѣли отъ прилившей краски...

Не впервой ей за̀ городомъ быть,—
Не робка̀: выходить безъ опаски!
Только стала подъ гору сбѣгать
Изъ воротъ торёною тропою,—
Хвать—татаринъ, а за нимъ еще;
Набѣжали цѣлою толпою!
Подскочилъ одинъ, да отлетѣлъ:
Не пришелся, видно, ей по мысли;
Размахнулась правою рукой,
Лѣвая лежитъ на коромыслѣ.
Тяжела у Дунюшки рука,—
Въ городу не мало этой силѣ
Дивовались:—Будешь за вдовцомъ!—
Ей, смѣясь, подруги говорили...
— Прочь отсюда!—крикнула она:
Что̀ пришли? Вамъ, нѐшто, здѣсь дорога?!
Сунься только, такъ и разнесу!—
Глядь-поглядь, а ихъ и больно много...
Застучали вёдра по землѣ,
Покатились по̀дъ ноги татарамъ,
Коромысло въ дѣвичьихъ рукахъ,—
Не отдастся красная задаромъ!
Словно хлѣбъ взялася молотить,
Бьетъ кругомъ направо и налѣво;
Расплелася русая коса,
Губы въ кровь искусаны отъ гнѣва...
Стиснувъ губы, кидалась она,
Разбѣгались три раза татары,—
Коромысло, словно на току,
За ударомъ сыпало удары...
Шестерыхъ имъ клала на песокъ,
Да на грѣхъ о со̀сну перешибла;
Кинулась въ середку со щепой,
Разъ-другой ударила и сгибла!

Какъ береза бѣлая въ лѣсу,
Срубленная пòдъ корень, упала,—
Небо алой кровью облилось,
Изъ зари кровавой солнце встало.
Обуяло страхомъ татарьё,
Развело, поганое, руками:
— Коли всѣ такія дѣвки тамъ,
Гдѣ-же намъ управиться съ парнями?!—
Подъ стѣнàми кинувши тѣла,
Отступили цѣлою ордою...
Вотъ такъ память дѣвка задала,
Выйдя утромъ къ рѣчкѣ за водою!..»

Случайно пришлось мнѣ впервые ознакомиться съ поэзіей Д. Н. Садовникова по этому стихотворенію, (напечатанному въ приложеніи къ «Живописному Обозрѣнію» за 1883-й годъ). Счастливая случайность натолкнула меня на одно изъ самыхъ яркихъ произведеній талантливаго поэта. Я былъ пораженъ необычайной силою изобразительности и въ то-же самое время эпическимъ спокойствіемъ и былинной простотою разсказа. Обликъ богатырь-дѣвки всталъ передъ мысленнымъ взоромъ — какъ живой, не находя себѣ подобнаго въ моей памяти. И, дѣйствительно, оригинальность замысла—внѣ всякаго сомнѣнія. Выполненіе—мастерское! Только одному гр. Алексѣю Толстому удавалось воскрешать изъ мертваго праха стародавнихъ лѣтъ такіе живые образы. За одну эту Дунюшку съ «тяжелой рукою» можно по-

любить Садовникова всякому, для кого близко и дорого свое, русское, народное. Какъ ничтожны, какъ жалки въ сравненіи съ такими высѣченными изъ мрамора таланта рѣзцомъ вдохновенія образами грубыя поддѣлки подъ старину, выдаваемыя господами Навроцкими за сказанія минувшаго!

Наши стародавнія были представляютъ собою неисчерпаемый кладезь темъ для художественнаго воспроизведенія въ томъ или другомъ родѣ искусства. Но не всякому дается въ руки этотъ драгоцѣнный кладъ: суздальская мазня на историческіе сюжеты имѣетъ весьма мало общаго съ картинами геніальныхъ И. Е. Рѣпина и В. М. Васнецова. Чтобы заставить картину (изъ красокъ-ли, изъ словъ-ли сложилась она) дышать, говорить и неизгладимо запечатлѣваться въ памяти зрителя или слушателя,—мало даже обладать талантомъ. Для этого надо художнику быть одаренному вдохновеніемъ. Безъ вдохновенія нельзя одухотворить ни красокъ, ни словъ, ни звуковъ. Авторъ «Богатырь-дѣвки» былъ въ избыткѣ надѣленъ этимъ дивнымъ даромъ Божіимъ. Свойственный его художественной натурѣ широкій размахъ коренного русскаго человѣка, способность безъ остатка отдаваться моменту творчества—придавали его самобытнымъ произведеніямъ проникновенность и колоритность: качества, не особенно часто замѣчаемыя въ современной поэзіи! И на нихъ зиждилась сила этого баяна родныхъ былей.

«...Какъ береза бѣлая въ лѣсу, срубленная подъ-корень, упала...» — говоритъ поэтъ-пѣснотворецъ о сраженной-сломленной ворогами богатыркѣ и тутъ-же развертываетъ передъ глазами читателя необъятное полотно чисто-русской, чисто-народной картины: «Небо алой кровью облилось, изъ зари кровавой солнце встало»... Въ этихъ двухъ строкахъ открылась—во всей простотѣ своего величія и во всемъ величіи своей простоты—суевѣрная душа великоросса, живущаго въ непосредственной связи со всѣми явленіями родной ему природы, не только обступающей его отовсюду, но и съ живымъ участіемъ относящейся къ каждой его радости, къ каждому горю...

Но «Дуни, красныя дѣвицы», коромысломъ расправляющіяся съ татарьемъ, не замыкаютъ круга легендарныхъ женскихъ типовъ Д. Н. Садовникова. У него есть и такіе, при видѣ которыхъ воскресаютъ въ памяти удалыя пáленицы былинной Руси, могучія богатырки стародавнихъ лѣтъ, мѣрявшіяся и спорившія силой-мочью даже со своими старшими побратимами-богатырями, не то что съ лихимъ ворогомъ. Онѣ, эти паленицы народнаго эпоса, также гуляли въ отъѣзжихъ поляхъ богатырскихъ, также обороняли святорусскій рубежъ отъ чужеземнаго вора-нахвальщины, зарившагося глазами завидущими на богатырскую родину—съ ея богачествомъ, ни у кого не отнятымъ, не награбленнымъ,

а подареннымъ Святой Руси родной ея землей-кормилицей.

Въ легендѣ «Усолка»—одномъ изъ самыхъ раннихъ по времени появленія въ печати (1873 г.) стихотвореній автора «Богатырь-дѣвки»—изъ-за далекой дали вѣковъ возстаетъ передъ современнымъ читателемъ такой величественный, такой могучій обликъ.

«При Грозномъ, на Волгу, къ подошвѣ холмовъ,
Точившихъ соленую воду,
Сошлись поселенцы на выгодный зовъ,
Починъ положили заводу—
Срубили жильё, окружили стѣной,
И скоро возникъ городокъ соляной
На дальней границѣ востока,
Гдѣ степь разстилалась широко...
Усолье росло: заѣзжали купцы,
Рабочіе шли на варницы;
Приставлены царскіе были стрѣльцы,
И пушки глядѣли въ бойницы:
Нерѣдко въ долину съ соленой водой
Сбѣгались кочевники шумной ордой,—
Скакали по русскому полю,
Людей уводили въ неволю...
Кругомъ еще лѣсъ былъ до темени горъ;
Пониже—селенье и пашня.
А самый высокій вѣнчала бугоръ
Въ лѣсу караульная башня.
Чуть ночью по степи затопаетъ конь,
На ней зажигали сигнальный огонь;
И мѣстные жители знали,
Что надо готовить пищали...

По старымъ разсказамъ, въ Усольѣ жила
Одна богатырка въ то время;
Она отъ Усолья на степь угнала
Ногайское хищное племя...
Шло время... Сѣдѣла, теряла глаза
Поселка защита, ногайцевъ гроза;
Могучая сила сбывала...
Усолье ее забывало.
Смѣялась недавно надъ ней молодежь:
—Куда тебѣ, бабушка, драться?
На старости лѣтъ ты съ коня упадешь,
Пора на покой убираться!..—
Кто знаетъ: сердилась старуха, иль нѣтъ;
Но только ни слова усольцамъ въ отвѣтъ
На это она не сказала,
Чему подивились не мало...
Покойно и мирно тянулись года,
По милости страшной усолки;
Татарскихъ коней не видать и слѣда,
Замолкли тревожные толки.
Но горе застало Усолье врасплохъ;
Въ осеннюю ночь загорѣлся сполохъ...»

Нахлынула ногайская орда... Бѣда неминучая грозитъ усольцамъ... Стонъ стоитъ по землѣ отъ топота ногайскихъ коней... Потоптаны поля... Багряное зарево пожаровъ разгоняетъ ночную темноту.. Но Усолье не падаетъ духомъ передъ нежданной-негаданной невзгодою: «изъ города выслана малая рать ногайскую силу въ лѣса отогнать»...

Недолго пришлось усольскимъ ратникамъ ждать кровавой работы: закипѣла страшная сѣча...

«...Оружія стукъ
Взлеталъ до лѣсистыхъ верхушекъ,
Стрѣлу отпускалъ туго стянутый лукъ;
Рубились, палили изъ пушекъ.
Кровавая битва была горяча,
А сила росла, какъ въ степи саранча,—
И дрогнули наши средь поля:
Ждала ихъ недобрая доля...»

Только въ эту минуту и спохватились усольцы, кого недостаетъ имъ для обороны отъ лютаго вóрога. Отряжены гонцы къ богатыркѣ. На ихъ просьбу помочь въ бѣдѣ—усолка отговаривается тѣмъ, что нанесенная ей обида такъ великà, что простить ея она не можетъ. «Пришли надъ старухой смѣяться!..»—восклицаетъ она: «Чтò мало вамъ мѣста за этой стѣной? Гдѣ сабли у васъ и пищали? Иль порохомъ вы обнищали?!» Ни съ чѣмъ вернулись гонцы... А бой становился все непосильнѣе для хороброй усольской рати... Снова гонцы стоятъ передъ старой грозою ногайской орды. Слезныя мольбы, наконецъ, побѣдили старуху, заставивъ позабыть про тяжкую обиду: «взыграла вся кровь богатырская въ ней, вся старая удаль забилась»... И вотъ, раздалось такъ долго и напрасно жданное гонцами могучее слово:

«Давайте коня; гдѣ мой конь боевой?
Давно не слыхала его подъ собой!
Проклятымъ татарамъ навстрѣчу—
Я кинуся въ самую сѣчу!..»

Конь былъ подстать старой усолкѣ—этотъ «застоявшійся конь съ густой серебристою гривой»... Вывели его: «изъ камня ногой высѣкалъ онъ огонь, моталъ головою красивой. Высоко ходила могучая грудь, и фыркалъ скакунъ, собираяся въ путь на хищныя орды Ногая, себѣ сѣдока поджидая»... Вышелъ къ старому боевому товарищу и этотъ давно не сидѣвшій на вѣрномъ скакунѣ сѣдокъ-богатырка:

«Ремень—опояска у стана.
Объ древко копья ударяютъ, звеня,
Ножны вдоль ея сарафана...
На стремя ступила привычной ногой;
Въ одной рукѣ сабля и пика въ другой,
И съ гикомъ пустилася лётомъ
Къ широко раскрытымъ воротамъ...
И по полю конь богатырку понесъ...
При видѣ могучаго взмаха,
При видѣ сѣдыхъ и растрепанныхъ косъ
Враги ошалѣли отъ страха...»

Ободрились усольцы, съ удвоенной силою ударили на вороговъ. Сѣдая усолка сдѣлала свое богатырское дѣло: «вездѣ впереди богатырка была; отъ страшныхъ ударовъ валились тѣла кровавою грудой на груду»... Ногайцы обратились въ бѣгство... «Такъ билися въ старые годы за право труда и свободы!»—говоритъ поэтъ, заканчивая свою легенду-былину, выдвигающую изъ тумана четырехъ отошедшихъ въ былое столѣтій мощный обликъ

старины, бодрящій свѣжестью, вѣющій жизнью на истомленный духъ нашего больного, «не знающаго юности», дряблаго поколѣнія.

«Ловко поймавшая» Стеньку Разина «раскрасавица Алёна—чужемужняя жена», о которой говорилось въ IV-й главѣ (стихотвореніе «Зазноба»), далеко еще не исчерпываетъ всего, что сказано Д. Н. Садовниковымъ о сердцѣ русской женщины въ его эпической поэзіи.

Вотъ — бѣглыми, но яркими, мазками выдѣляющійся на художественномъ полотнѣ жегулевскаго преданія обликъ «Полонянки», обезсмертившей себя въ наименованіи Дѣвьей горы. Лихой атаманъ привелъ «въ дремучую глушь, подъ зеленый шиханъ, въ свою воровскую землянку» захваченную вмѣстѣ съ добычей красавицу...

«Не сладко житье ей съ немилымъ вдвоемъ,
И кажутся долгими ночи...
Тоскуетъ она о селеньи родномъ;
Молчитъ, закрывая цвѣтнымъ рукавомъ
Отъ слезъ потемнѣвшія очи.
Не можетъ къ своимъ она вѣсточки дать
Въ село, гдѣ крушатся не мало
О ней и женихъ, и родимая мать...
—Бѣжать,—она думаетъ,—надо бѣжать
Скорѣе, во что-бы ни стало!..»

Но, видя, что чѣмъ она больше кручинится, тѣмъ болѣе зорко стережетъ ее атаманъ и что бѣжать нельзя никакъ, полонянка надумала смѣнить

на «веселье» тоску, щемящую ей сердце. И вотъ — не узнать лихому похитчику недавней горюши-горькой: «... свѣтлѣй стали очи, привѣтнѣй уста; глядитъ атаманъ, и ея красота его въ свой чередъ полонила!..» Все готовъ онъ позабыть «для ласковыхъ словъ ненаглядной красы, для свѣтлыхъ очей», — даже свою кормилицу Волгу.

«Скажи, красота, у меня-ль не житье?
Моя-ль не завидная доля?
Люби атамана: все будетъ твое,
Во всемъ тебѣ полная воля!..

«Смотри,—говоритъ онъ, взводя на курганъ:—
Вонъ, видишь, бѣлѣютъ въ туманѣ
Суда? То богатый идетъ караванъ—
Съ низовыхъ мѣстовъ, изъ полуденныхъ странъ
Везутъ мнѣ обильныя дани!..

«Надѣнешь другой, побогаче, нарядъ,
Персидскими шитый шелками;
Алмазныя серьги въ ушахъ заблестятъ,
И будетъ уборъ твой дѣвичій богатъ
Цвѣтными, какъ солнце, камнями!..»

Но не такова красота-полонянка, чтобы плѣниться заманчивыми обѣщаніями атамана: воля ей дороже всего на свѣтѣ, ея любовь не такова, чтобы ее можно было купить,—не добыть этой любви ни златомъ, ни сѐребромъ, ни каменьями самоцвѣтными. Нѣтъ,—

«...силою сердца ея не возьмешь,
Онъ душу ея не узнаетъ:

У ней на словахъ золоченая ложь,
А замыселъ свой—что отточенный ножъ—
Она отъ него укрываетъ...
Какъ твердый утесъ прибылая вода,
Тоска ее тайная гложетъ;
Одна у ней дума: когда-же, когда?!
А рѣчи... Что рѣчи?..»

Если повѣрить на̀-слово, такъ милѣй похитившаго ее атамана нѣтъ для красавицы никого въ цѣломъ Божьемъ мірѣ; если судить по словамъ, такъ никогда и разстаться со своимъ разудалымъ она не сможетъ.

«Мнѣ любо и здѣсь, молодецъ удалой,—
На что мнѣ постылую волю?
Привыкла къ тебѣ, не пойду я домой,
Хочу подѣлить, разудалый, съ тобой
Твою молодецкую долю!»

Какъ не поддаться на такія слова и удалому разбойнику! Какъ не повѣрить въ правду такой «золоченой лжи»?! Поддался-повѣрилъ лихой... Вотъ однажды они—вдвоемъ надъ Волгою... Вечерняя дремота смыкаетъ рѣсницы похитчика, припавшаго утомленной головою на грудь полонянки... Дремучій боръ стѣною обступаетъ ихъ. Они—на краю обрыва... Тишину нарушаетъ только плескъ набѣгающей волны—тамъ, внизу... Кругомъ—ни души живой, кромѣ нихъ-двоихъ. Довольно лжи!—проносится молніей мысль въ головѣ красавицы, сгорающей жаждою свободы, тоскующей подъ личиной

напускной веселости... И вотъ—она рѣшается освободить себя изъ неволи:

«О чемъ-же тутъ думать? Толчокъ—и долой
Съ вершины крутого шихана,
Съ подавленнымъ стономъ, летитъ удалой,
Объ острые камни стуча головой,—
И нѣтъ удальца-атамана...»

Отточенный ножъ замысла вонзился въ намѣченную цѣль... Полонянка свободна... Землянка, гдѣ ей приходилось коротать ночи съ немилымъ похитчикомъ, «въ ту ночь остается пуста... Почуявъ кровавое дѣло, наутро всплываютъ надъ ней беркута̀ и тщетно кругомъ озираютъ мѣста, ища атаманово тѣло»... А Дѣвья Гора,—гдѣ, по преданію, совершилось все это,—и теперь все еще стоитъ надъ старой Волгою, омываясь «въ зыби разлива»; все также чернѣютъ надъ ея шиханомъ беркута̀; все также «шепчетъ сосновая грива» о быломъ-стародавнемъ, а можетъ быть—и о волжскомъ пѣвцѣ-поэтѣ, подслушавшемъ этотъ вѣщій шепотъ и воплотившемъ его въ звуки своихъ богатыхъ красками пѣсенъ...

На Волгѣ-же,—но только въ другихъ, болѣе близкихъ къ верховью, мѣстахъ,—подслушалъ Д. Н. Садовниковъ легенду о «Кумѣ», да только не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, пропѣть эту послѣднюю свою пѣсню о вольныхъ волжскихъ людяхъ: смерть помѣшала. А какъ-разъ кстати было-бы дополнить яркую гал-

лерею женскихъ типовъ этой поэтическою легендой о «красавицѣ-вдовѣ на перевозѣ за Окою», безъ приворотнаго зелья приворожившей къ себѣ нижегородскаго воеводу и его молодого сына,—да такъ приворожившей, что и во снѣ, и наяву мерещились имъ обоимъ «то грудь наливная, то плечи, то руки бѣлыя, что снѣгъ, то глазъ приманчивыя рѣчи... Глазами вскинетъ — дрожь беретъ; въ рѣчахъ — какая-то отвага... И что̀ пьянѣй—вино-ль ея, иль рѣчи, хмѣльныя, какъ брага,—кто знаетъ?!»

VIII.

Поэтъ-художникъ—Д. Н. Садовниковъ удивительно тонко понималъ душу природы. Онъ былъ надѣленъ тютчевской способностью чувствовать каждое проявленіе ея жизни, неуловимое для взгляда простого наблюдателя. Природа оживала въ его осѣненныхъ вдохновеніемъ стихахъ. Вотъ, напримѣръ, его граціозная, вѣющая неотразимымъ обаяніемъ, «Лѣтняя сказка»:

«Идетъ, опустивши рѣсницы,
Обвита вечернею мглой,
Задумчивой ночи царица
Со свитой своей золотой.

«Какъ тѣни, одежды струятся,
Прозрачный колеблется станъ;
И сквозь очертаній туманъ
Далекія звѣзды глядятся.

«Навстрѣчу объятіямъ Ночи,
Тревогою дня утомленъ,
Смежая усталыя очи,
Слетаетъ невидимо Сонъ.

«Лѣса, прошумѣвъ, затихаютъ;
Ложится рѣчная волна;
Цвѣты, засыпая, вздыхаютъ,
И клонятся травы отъ сна.

«Подъ силой призывною ласки
Ночныхъ сновидѣній царя,
Сбѣгаютъ стыдливыя краски,
Вечерняя гаснетъ заря.

«И въ часъ, когда все умолкаетъ,
Не слышно ничьихъ голосовъ,
«Влюбленная Ночь обнимаетъ
Царя обольстительныхъ сновъ.

«Какъ сладки тогда сновидѣнья,
Людей кочевыя мечты!
Но счастіе—только мгновенье
Для этой влюбленной четы...

«Свѣтаетъ, и тихо смѣется
На небѣ другая заря,—
Царица испуганно бьется
Въ объятьяхъ любимца-царя.

«Изъ глазъ ея падаютъ слезы—
Росою—на зелень луговъ,
А сны и отрадныя грезы
Взлетаютъ толпой облаковъ.

«Прощай!—по полямъ раздается;
Прощай!—отвѣчаетъ въ лѣсахъ;
Прощай!—надъ рѣкою несется;
Прощай!—замираетъ въ горахъ».

)тъ такихъ чудныхъ стиховъ, сливающихся въ ую симфонію красокъ, образовъ и ласкающихъ ıу звуковъ, не отказался-бы ни одинъ изъ

первоклассныхъ поэтовъ. Съ перваго до послѣдняго слова все въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи говоритъ объ яркомъ художественномъ талантѣ. Мелодія нѣжащими слухъ волнами льется прямо въ душу—и какая мелодія!..

Авторъ «Лѣтней сказки», на-ряду съ подобными сюжетами, въ одинаковой степени вдохновлялся и совсѣмъ иными. Вотъ, напримѣръ, его «Тоска»—стихотвореніе, не менѣе замѣчательное какъ по внѣшней формѣ, такъ и по изумительно гармонирующему съ ней, до неподражаемости своеобразному, богатству внутренняго содержанія:

«Не ходи въ лѣсную чащу,—
Въ ней живетъ Тоска сѣдая,
Безобразная старуха,
Молчаливая и злая!

«Подъ защитой темной ночи,
Въ одинокой ветхой кельѣ
Для тебя она готовитъ
Одуряющее зелье...

«Ты войдешь,—Тоска за горло
Схватитъ, медленно придушитъ,
Вынетъ трепетное сердце
И огнемъ его изсушитъ;

«А потомъ, пожалуй, молвитъ,
Надъ твоей глумясь бѣдою:
— Полежи! Быть можетъ, воронъ
Прилетитъ съ живой водою!..»

Отъ мрачной поэзіи «Тоски», заставляющей сердце сжиматься какимъ-то недобрымъ предчув-

ствіемъ, поэтъ переходилъ къ мирнымъ картинамъ русскихъ степей, воплощавшимся въ его стихахъ въ живыя краски. «Вотъ она, родная степь, проглянула изъ тумановъ, и синѣющихъ кургановъ обозначилася цѣпь»,—говоритъ онъ въ одномъ изъ подобныхъ стихотвореній, вызывая передъ вашимъ мысленнымъ взоромъ необъятную ширь, неоглядную даль. «Встрѣчу мнѣ бѣжитъ ковыль серебристыми волнами»,—читаете вы въ слѣдующей строфѣ этого стихотворнаго пейзажа, звучащаго говоромъ природы,—«позади ложится пыль сѣроватыми клубами. Надо мной сквознымъ узоромъ тучекъ движется гурьба, и повисли ястреба̀, сторожа добычу взоромъ. Ширь степная раздалась: ни лѣсовъ, ни горъ высокихъ; и подолгу ищетъ глазъ деревенекъ одинокихъ!»Стихотвореніе прочитано, а передъ вашими глазами все еще какъ-будто разстилается ковылемъ-травой эта оживленная поэтомъ родная степь,—все еще ширится-растетъ эта монотонная по окраскѣ, простая по существу, но безконечно милая, картина.

А вотъ—еще небольшое, но много и краснорѣчиво говорящее русской душѣ, стихотвореніе Д.Н. Садовникова, выхваченное изъ родного поэту откровеннаго сердца задумчивой русской природы,—«Пѣсня колосистой ржи»:

«Съ неба насъ печетъ немилосердно,
От земли садится пыль на колосъ...

Пить хотимъ мы влагу дождевую,
Слушать грома перекатный голосъ...

«Заслони намъ, туча, это солнце:
Пожалѣй, остановись надъ нами,—
Проливнымъ, съ веселою грозою,
Обойди засохшими полями...

«Не забудь мѣста свои родныя,
Гдѣ туманомъ прежде отдыхала,—
Гдѣ себѣ подъ утреннія зори
Молодыя кудри распрядала;

«И они тянулись, словно пряжа,
Золотяся восходившимъ солнцемъ,—
Пряхою былъ ласковою вѣтеръ,
Гребнемъ лѣсъ, ржаное поле—донцемъ...

«А, когда пройдетъ шумящій ливень
Полосами зрѣющаго хлѣба,—
Пусть опять насъ грѣетъ это солнце
И глядитъ съ лазореваго неба!..»

Какъ рѣзокъ переходъ отъ этой, дышащей знойною истомой лѣтняго полдня, «Пѣсни» къ такимъ, напримѣръ, металлически-звенящимъ строфамъ Садовникова, какъ его обвѣянный мистической тайною «Сонъ».

«Я видѣлъ сонъ тяжелый, безпокойный... Печальный видъ открылся предо мною: я шелъ одинъ широкою тропою, пустынею безжизненной и знойной. Виднѣлись скалъ причудливыя кручи; ряды вершинъ, обглоданныхъ вѣками; кругомъ—песокъ подвижный и сыпучій, по прихоти взметаемый вѣтрами. Далекихъ горъ рѣзное очертанье широкою каймою озарило

какое-то волшебное сіянье, и мысль влекла невѣдомая сила. Вершины горъ пылали неугасно, при блескѣ дня, какъ дивныя лампады; я шелъ безъ остановокъ; мои взгляды слѣды жилья искали, но напрасно. Я дождался печальнаго заката. Я встрѣтилъ ночь съ ея могильной тьмою... Все тотъ-же путь лежалъ передо мною,—назадъ, казалось, не было возврата. Тамъ, позади, опущена завѣса. Рвался впередъ я съ жаждой необъятной, какъ рвется вѣтвь изъ темной чащи лѣса въ просторъ и свѣтъ живительно-пріятный. Впередъ! Впередъ! Туда, гдѣ незакатно волшебный свѣтъ горитъ надъ этой мглою!.. А сердце мнѣ сжимало непонятно тяжелою, гнетущею тоскою. То былъ не солнца свѣтъ животворящій, а ровное холодное сіянье, какъ - бы алмазъ, сквозь эту мглу свѣтящій; но дивное въ немъ было обаянье. И видѣлъ я, что къ отдаленной цѣли насъ много шло: людскихъ тѣней не мало мои глаза во мракѣ разглядѣли, и шумъ походки ухо различало. Мелькали всюду люди-привидѣнья, по сторонамъ, посереди дороги передвигались торопливо ноги, слегка шурша объ острые каменья. Такъ за волною, на морскомъ просторѣ, вослѣдъ волна тревожная несется,—взбѣжитъ на берегъ, тихо разольется и межъ камней, журча, стекаетъ въ море. —Остановись!...—послышался мнѣ голосъ: Иди назадъ: усилья безполезны!—... И у меня поднялся дыбомъ волосъ: я на краю

стоялъ отверстой бездны... Смѣнила страхъ боязнь иного рода,—она была сильнѣе и острѣе: — Гдѣ перейти?! — И въ безднѣ, не робѣя, мои глаза искали перехода. Онъ узокъ былъ, какъ лезвіе кинжала, какъ мечъ, ведущій къ раю Магомета, но истины желанье, жажда свѣта меня впередъ все дальше увлекала. И я ступилъ неробкою ногою на этотъ путь къ источнику сіянья... Земля изъ глазъ исчезла подо мною, но ожили о ней воспоминанья... Мнѣ память все былое воскресила... Такъ прошлаго страшна была утрата, что я, въ виду желаннаго свѣтила, вновь захотѣлъ свободы и возврата... Въ едва сквозящей полусвѣтомъ дали, предъ взоромъ, отуманеннымъ тоскою, какъ гребни пѣны надъ волной морскою, знакомые мнѣ образы взбѣгали... Какъ облака, смѣнялися видѣнья; молящія протягивались руки... Мнѣ слышались призывныя моленья, мнѣ раздирали сердце эти звуки!.. — Не любишь ты!.. — шепталъ мнѣ голосъ милый, и сердце вслѣдъ мнѣ тихо говорило: —Вернись назадъ, люби съ былою силой,—зачѣмъ тебѣ блестящая могила?!— Въ отчаяньѣ назадъ я оглянулся, — но прежній путь уже объяла бездна... И, огласивши воплемъ безполезно пустынный міръ, я въ ужасѣ проснулся»...

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ В. В. Чуйко, восторженно отозвавшагося объ этомъ въ высшей степени оригинальномъ, хотя и не вездѣ одина-

ково звучномъ,—стихотвореніи. «Вся картина»,—говоритъ онъ,—какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, безподобна; въ ней виденъ крупный энергическій талантъ, не удовлетворяющійся мелкою ходячею монетой нашего современнаго поэтическаго вдохновенія; она обнаруживаетъ въ поэтѣ энергію мысли и чувства, которыя какъ-бы сдѣлались анахронизмомъ въ наше время»...

Это говорилось въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда на поэзію вообще очень немногіе критики смотрѣли, какъ на нѣчто существенное: Чуйко принадлежалъ къ исключеніямъ изъ этого правила. Интересъ-же къ стихамъ въ читательской средѣ тогда только-что пробуждался, знаменуя собою грядущее возрожденіе поэтическаго творчества.

IX.

Одухотворенная «энергіей мысли и чувства» мощная поэзія Д. Н. Садовникова не забѣгала навстрѣчу моднымъ запросамъ времени, никогда не шла также на-поводу безапелляціонныхъ руководителей общественнаго мнѣнія. Служебная роль не приходилась, да и не могла придтись, ей по-плечу. И это обстоятельство является вѣрнѣйшимъ залогомъ ея жизнеспособности.

Вдохновеніе самобытнаго поэта, отвлекавшее его отъ преходящей сутолоки литературнаго дня со всѣми довлѣющими этому-послѣднему «злобами», питалось болѣе здоровыми соками: оно, какъ молодой дубокъ, тянулось зелеными вѣтвями къ солнцу Красоты и въ то-же самое время уходило своими цѣпкими корнями въ черноземную глубь народной стихійной души. И эта бездонно-глубокая первобытная душа, любовно открывъ поэту доступъ въ свой необъятный міръ, сдѣлала его лучшія произведенія сопричастными своей долговѣчности. Оригинальный талантъ Д. Н. Садовникова былъ

совершенно чуждъ всякаго стремленія къ заѣзженному другими пѣвцами его дней поэтическому шаблону. Вотъ, напримѣръ, какими яркими, какими въ полномъ смыслѣ слова—художественными, выходили изъ-подъ его пера даже такъ называемыя «случайныя» стихотворенія:

«Въ отрадный мигъ желаннаго рожденья
Все, что̀ въ наслѣдство передалъ апрѣль,
Душистый даръ послѣдняго цвѣтенья
Тебѣ весна кидала въ колыбель...

«Май отцвѣталъ и шелъ навстрѣчу лѣта;
И думалъ онъ, переходя ко сну:
—Я встрѣтилъ день рожденія поэта,
Онъ воскреситъ умершую весну!..—

«Ты оправдалъ святыя упованья!
Заслыша пѣсни первыя твои,
Въ усталомъ сердцѣ ожили желанья,
Въ нѣмомъ лѣсу проснулись соловьи...

«Любили мы, но спорною любовью!
Давно-ль у насъ топтали твой вѣнокъ?
Но ты простишь минутному злословью,
Прекраснаго созданіемъ высокъ...

«Простишь намъ то, что рѣчь, тебѣ родная,
Вплела шипы въ цвѣтущій твой вѣнецъ..
Теперь мы всѣ сошлись на праздникъ мая
Твой день привѣтствовать, пѣвецъ!..

«И въ честь тебя, поэта-чародѣя,
Пѣвца живой любви и красоты,
Весна, какъ встарь, бросаетъ, не жалѣя,
Къ твоимъ ногамъ послѣдніе цвѣты!..»

Это—вѣнокъ на памятникъ великому Пушкину,

присланный авторомъ изъ Симбирска на московскій пушкинскій праздникъ 1880 года,—благоухающій свѣжестью вѣнокъ. Эпически-спокойный тонъ, наиболѣе свойственный поэту, не измѣнилъ ему и здѣсь,—какъ не измѣнило и ни на шагъ не отходившее отъ него, охватывавшее страстными объятіями всю его широкую натуру вдохновеніе.

Въ русской поэзіи имѣется нѣсколько стихотвореній о Вальтерѣ-фонъ-деръ-Фогельвейде, нѣмецкомъ средневѣковомъ миннезингерѣ. Поэты разныхъ силъ брались у насъ за этотъ сюжетъ. Но ни у кого не воплотилась трогательная легенда въ болѣе живую форму, чѣмъ у Д. Н. Садовникова. Вотъ это его стихотвореніе:

«Умеръ славный Фогельвейде...
Жизнь на небо отлетѣла;
Въ старомъ Вюрцбургскомъ аббатствѣ
Онъ оставилъ только тѣло...

«Завѣщалъ онъ все монахамъ,
Съ уговоромъ, чтобъ кормили
Каждый полдень птицъ окрестныхъ
На его они могилѣ:

«—У крылатыхъ менестрелей
Самъ учился я когда-то;
Пусть кормленье пташекъ будетъ
Фогельвейдова уплата...—

«Такъ пѣвецъ любви скончался...
Завѣщанье соблюдая,
На могилу ежедневно
Вольныхъ птицъ скликалась стая.

«Каждый день на кровли, стѣны
И на башенные шпицы
Окрыленныхъ менестрелей
Собирались вереницы...

«На вѣтвистой старой липѣ
Засѣдало ихъ собранье,
На дворѣ, могильномъ камнѣ
И могильномъ изваяньѣ...

«На оконныхъ переплетахъ,
На дверяхъ—зимой и лѣтомъ—
Птицы хоромъ распѣвали
Пѣсни, пѣтыя поэтомъ.

«Это было нѣчто въ-родѣ
Поэтическаго спора
Молодой пѣвучей братьи
Возлѣ стараго собора...

«Всюду имя Фогельвейде
Птицы въ пѣсняхъ повторяли;
Всюду имя Фогельвейде,
Распѣвая, прославляли...

«Но аббатъ сказалъ однажды:
— Чѣмъ бросать какимъ-то птахамъ,
Лучше хлѣба больше выдать
Голодающимъ монахамъ!..—

«Съ той поры на шумный завтракъ
Не спускалась птичья стая,
Надъ могилой Фогельвейде
Въ ясный полдень пролетая.

«Съ той поры, крича нестройно,
Тщетно птицы тучей вились
Надъ оградой монастырской,—
Угощенья не добились...

«Время сгладило на камнѣ
Монастырскомъ начертанье;
Гдѣ схороненъ Фогельвейде—
Говоритъ одно преданье;

«Но до сей поры всѣ птицы,
Пролетая надъ соборомъ,
Эту старую легенду
Повторяютъ дружнымъ хоромъ».

На призваніе и личность поэта Д. Н. Садовниковъ смотрѣлъ очень серьезно и,—какъ видно по всему его литературному наслѣдію, оставленному забывшей о немъ родинѣ, — подходилъ къ святая святыхъ поэтическаго творчества съ глубоко благоговѣйнымъ чувствомъ.

«Въ строѣ твоихъ пѣснопѣній»,—говоритъ онъ, обращаясь къ поэту, — «смѣняютъ тяжелыя тучи сомнѣній мечтаній заоблачныхъ свѣтъ»... и продолжаетъ: «Уноситъ всѣ грезы и сны золотые богатый сознаніемъ умъ, и чувство любви заслоняютъ впервые толпы угнетающихъ думъ... Ты видишь вездѣ столько пошлаго, злого и столько неправды кругомъ, срывается съ устъ твоихъ молнія-слово, угрозы доносится громъ... Въ душѣ нераздѣльны въ такія мгновенья отчаянье, злоба и гнѣвъ,—ты къ роду людскому питаешь презрѣнье, на сердцѣ любовь отогрѣвъ...Но гнѣвъ отошелъ,—и иное понятно: стихаетъ волненье въ крови, и бывшихъ враговъ ты кропишь благодатно дождемъ животворной любви!»... Въ другомъ его стихотвореніи вы встрѣчаетесь съ

дальнѣйшимъ художественно-поэтическимъ развитіемъ этой прочувствованной мысли: «Я не рожденъ для злобы дня, для битвы долгой и упорной, и съ суетой своею вздорной такая жизнь—не для меня!.. И вотъ, въ надзвѣздные края, въ пространство звѣзднаго эфира, за грани видимаго міра душа уносится моя... Какъ хорошо, привольно тамъ въ безбрежномъ исчезать просторѣ, отъ сна перелетать ко снамъ, позабывать земное горе!... Что-жъ, сердце, на призывъ мечты, летящей всюду беззаботно, не скоро поддаешься ты? Нѣтъ, сердце, ты не перелётно!.. И въ этомъ сумракѣ земномъ все бьешься старою любовью, людскою обливаясь кровью, о прошломъ помнишь и родномъ! Въ порывѣ бури грозовой опавшій листъ мелькаетъ, тонетъ, а дубъ, склоняясь головой, отъ бурнаго налета стонетъ, — какъ-бы вздыхаетъ глубоко надъ облетѣвшими листами, своими цѣпкими корнями ушедши въ землю далеко»... Эти отрывки не лишены значенія и для характеристики творческой личности самого автора. Когда онъ отрѣшался отъ эпоса и переходилъ къ лирикѣ,—то, дѣйствительно, порою срывалось съ его вдохновенныхъ устъ молнія-слово; но это грозное слово скоро смѣнялось «дождемъ животворной любви». Чуткое, нё перелетное, сердце поэта умѣло любить и понимать глубоко, всецѣло отдаваясь любимому и познаваемому. Потому-то и звучатъ такою неподдѣльной искренностью его одухотворенныя огнемъ поэтической мысли слова:

«Молюсь тебѣ, весны моей мечта,
И въ эти дни къ тебѣ одной взываю,
Людской души живая красота!»

Потому-то какой-то неизъяснимой прелестью и вѣетъ, напримѣръ, отъ его стихотворенія «Ночная греза», открывающаго передъ мысленнымъ взоромъ читателя сокровенный уголокъ недоступной и непонятной для дѣтей прозаической толпы творческой жизни

«Полночь. Лампа освѣщаетъ
Мой рабочій столъ.
Слышу: легкими шагами
Кто-то подошелъ...
Полевыхъ цвѣтовъ пронёсся
Свѣжій ароматъ,—
Я невольно встрепенулся
И взглянулъ назадъ...
Легкимъ призракомъ стояла
Надо мной она,
Съ отпечаткомъ тихой грусти,
Мертвенно-блѣдна.
Но черты нежданной гостьи—
Дивныя черты!—
На себѣ носили ясный
Отблескъ красоты:
Красоты неуловимой
Своевольный складъ,
А не той, какую люди
Здѣсь боготворятъ.
Это былъ намекъ, набросокъ,
Легкій силуэтъ,
А не мраморной богини
Каменный портретъ...

—Я съ тобой...—она сказала,
И воздушный станъ
Колебался, какъ отъ вѣтра
На рѣкѣ туманъ.
—Почему такъ долго медлишь?
Скоро-ль плоть и кровь
Этимъ тонкимъ очертаньямъ
Дастъ твоя любовь?
И тобой боготворимой
Молодой мечтѣ
Суждено-ль на свѣтъ явиться
Въ полной красотѣ?
Мнѣ наскучило носиться
Въ океанѣ сновъ!
Это сердце хочетъ биться
Музыкою словъ..
Тихо, будто залетѣвшій
Въ рощу вѣтерокъ,
Прозвучали ея рѣчи
И ея упрекъ...»

Въ этой граціозной піескѣ чувствуется та дивная музыка словъ, которую способенъ уловить только изощренный слухъ избранныхъ питомцевъ вдохновенія.

Любовь къ женщинѣ, несмотря на любвеобильное, способное глубоко чувствовать и тонко понимать сердце поэта, сказалась въ очень немногихъ его лирическихъ стихотвореніяхъ, — настолько немногихъ, что, собственно говоря, даже трудно прослѣдить за развитіемъ ея въ творческой психологіи Д. Н. Садовникова. Но и по немногому нельзя

не замѣтить оригинальности его и въ этомъ отношеніи. Для примѣра можно взять хотя-бы слѣдующее проникнутое истиннымъ символизмомъ стихотвореніе:

«Я искалъ тебя, искалъ
У подножья сѣрыхъ скалъ,
Тамъ, гдѣ море мощной грудью
Нагоняетъ валъ.
«Я искалъ тебя въ лѣсахъ,
Въ заповѣданныхъ мѣстахъ,
Гдѣ охватываетъ душу
Безотчетный страхъ.
«По полямъ и надъ рѣкой
Разносился голосъ мой;
Но вездѣ лежали чары
Тишины нѣмой...
«И въ желаньи красоты
Гасли свѣтлыя мечты...
На призывъ мой не хотѣла
Отозваться ты.
«Разъ съ собой наединѣ—
На яву, или во снѣ,
Я не знаю—ты нежданно
Показалась мнѣ.
«Ты склонилась надо мной,
Ты шепнула сердцу: пой!..
Съ той поры я нераздѣльно,
Нераздѣльно твой!»

Словъ, какъ-будто, и совсѣмъ немного; но какая цѣльность чувства слышится въ этихъ словахъ, каждое изъ которыхъ является необходимымъ для полноты и яркости лирической картины!.. «Съ той

поры я нераздѣльно, нераздѣльно твой!»—читаете вы и невольно поддаетесь обаянію. А сопоставьте этотъ живой голосъ жаждущей счастья души съ другими словами Д. Н. Садовникова:

«Нѣтъ, сердце! Ты не перелетно!»

И для васъ станетъ ясно, почему такъ мало пѣсенъ любви въ богатомъ портфелѣ самобытнаго пѣвца вольныхъ людей. Нераздѣльному чувству нѣтъ надобности размѣниваться, высказываясь на тысячи ладовъ: оно охватываетъ впечатлительную душу одной широкою волной. О такой-то любви и сказалъ библейскій царь-пѣснопѣвецъ свое пережившее тысячелѣтія божественно-святое слово: «Любовь сильна—какъ смерть!».

X.

Возсоздавъ цѣлый рядъ облеченныхъ въ плоть и кровь женскихъ типовъ родной старины, поэтъ нераздѣльнаго чувства, несомнѣнно, долженъ быть дорогъ русской женщинѣ, въ былыя времена умѣвшей любить и понимать своихъ пѣвцовъ. Но своимъ не-перелетнымъ сердцемъ, отражающимся—какъ въ зеркалѣ—въ прекрасныхъ, озаренныхъ вдохновеніемъ стихахъ, онъ близокъ и русскимъ дѣтямъ. Объ этомъ безмолвно (благодаря своей затерянности среди старыхъ ежемѣсячниковъ и еженедѣльниковъ) свидѣтельствуютъ его стихотворенія о дѣтяхъ и для дѣтей, напечатанныя какъ въ спеціально-дѣтскихъ, такъ и въ общелитературныхъ, журналахъ. Немного наберется этихъ стихотвореній, но и въ нихъ вложилъ поэтъ частицу своей души.

Въ нихъ Д. Н. Садовниковъ остается самимъ собою. Ему нѣтъ нужды поддѣлываться подъ вкусы и интересы ребенка-читателя,—какъ это мы видимъ въ огромномъ большинствѣ произведеній такъ называемыхъ «дѣтскихъ» писателей, отвѣчающихъ

своему званію развѣ только дѣтской неопытностью въ художественныхъ пріемахъ да зеленой наивностью въ нагоняющей скуку морали...

Онъ и съ дѣтьми говоритъ со свойственной его таланту простотою, ясностью и непосредственностью. Оттого-то и стихотворенія его, печатавшіяся въ «Игрушечкѣ» и «Дѣтскомъ Чтеніи», могутъ быть съ удовольствіемъ прочитаны совершенно взрослыми людьми. Равнымъ образомъ—среди напечатаннаго въ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ авторомъ «Весенней сказки», «Приключенія Милорда» и «Хитраго зайца» (названія лучшихъ дѣтскихъ стихотвореній Дм. Н—ча) можно найти пьесы, которыя будутъ съ любовью заучены наизусть маленькими читателями, хотя «міръ дѣтей»—въ полномъ смыслѣ этихъ словъ—«страна фантазій», а дѣтское сердце—«ключъ воды живой, чуть замѣтный межъ цвѣтами и травою-муравой»... Чудный это ключъ, цѣлебный ручей... «Сила тайная сокрыта въ каждой капелькѣ (его) воды»:

«Но къ ручью тому—не всякій
Знаетъ торные ходы!.».

Многіе пытаются подойти къ дѣтскому сердцу, но—какъ ни бьются—все только бродятъ вокругъ да около,—хотя и слышатъ журчанье этого чистаго, еще не отравленнаго, не взбаломученнаго жизнью, ключа. Садовниковъ съ большимъ правомъ, чѣмъ

кто-либо, могъ сказать о себѣ, что ему вѣдомы «торные ходы» къ большому сердцу маленькихъ людей. Достаточно прочесть хотя-бы слѣдующія строфы, посвященныя имъ «Ребенку» («Вѣстн. Европы», 1877 г.), чтобы судить о полной правоспособности его въ этомъ отношеніи:

«Посмотри, какъ много свѣта,
Какъ лазурь ясна...
Къ намъ идетъ предтеча лѣта—
Юная весна...
Подъ живящими лучами
Вешней теплоты
Рыхлый снѣгъ бѣжитъ ручьями,
Искрятся цвѣты,
Дѣти ласки и ухода,
Полнаго любви;
Ихъ даритъ тебѣ природа,—
Подойди, сорви!..
Посмотри: зазеленѣли
И зовутъ лѣса,—
Въ нихъ запѣли-зазвенѣли
Птичьи голоса...
Если къ пѣснѣ слухъ твой чутокъ,—
Перейми одну:
Мать-природа для малютокъ
Создала весну.
Бѣгай, крошка, беззаботно,—
Пусть въ груди твоей
Птичка бьётся неотлётно,
Сердце-соловей...
Отъ восторга замирая,
Пусть зоветъ она

Въ дни, когда—цвѣты кидая—
Къ намъ идетъ весна;
Пусть къ тебѣ напѣвъ лучистый
Въ душу западетъ,
Путь освѣтитъ твой тернистый
И съ тобой умрётъ»...

Сколько дѣвственно-нѣжнаго чувства любви къ дѣтямъ и къ человѣку вообще слышится въ этихъ мелодичныхъ словахъ! Какъ осторожно подходитъ нихъ авторъ къ хрупкому гнѣздышку той «птички», которую самъ называетъ:

«Сердце-соловей»...

Какъ тонко понимаетъ онъ сложныя ощущенія этой умирающей вмѣстѣ съ человѣкомъ, но иногда непробудно засыпающей и при жизни послѣдняго, птички!..

Міръ природы ближе и доступнѣе неиспорченной дѣтской душѣ, чѣмъ живущимъ о-бокъ съ нею взрослымъ людямъ, на каждаго изъ которыхъ жизнь уже успѣла наложить свою болѣе или менѣе тяжелую руку. Вводить ребенка-читателя въ этотъ вѣчно-живой, ни на мигъ не смолкающій, полный неподдѣльной красоты, не уча поучающій міръ... Это - ли не одна изъ первыхъ прямыхъ задачъ писателя (а тѣмъ болѣе—поэта), желающаго говорить съ будущими людьми?!. Природа—обширнѣйшая и лучшая аудиторія, но она же и лучшій другъ, и лучшій учитель. Авторъ

«Весенней сказки» и не собирался, конечно, п
учать своими стихами ни дѣтей, ни взрослы:
но, очевидно, прекрасно понималъ все только-ч
высказанное Прочтите эту сказку и вы увиди
какъ онъ могъ овладѣвать дѣтскимъ слухомъ и
попутно—дѣтскимъ сердцемъ.

«Дѣти, весна на дворѣ!
Льдинка на мерзломъ окнѣ
Сказку о милой Веснѣ
Утромъ напомнила мнѣ»...

Такъ заводитъ онъ свою поэтическую бесѣ
съ дѣтьми и продолжаетъ, самъ поддаваясь об
нію неотразимой и ни съ чѣмъ несравнимой п
эзіи пробужденія природы отъ зимняго сна, н
чиная съ воспроизведенія послѣдняго:

«Въ царствѣ суровой Зимы
Нѣтъ суеты никакой,
Только жестокій Морозъ
Ходитъ съ своею клюкой.
Смотритъ,—надёженъ-ли ледъ,
Плотенъ-ли выпавшій снѣгъ,
Сыты-ли волки въ лѣсу,
Живъ-ли въ избѣ дровосѣкъ.
Всѣ отъ Мороза ушли,
Всѣ—кому жизнь дорога,—
Только деревья стоятъ:
Ихъ придавили снѣга...
Некуда лѣсу уйти:
Въ землю корнями онъ вросъ...
Ходитъ по немъ и стучитъ
Палкою бѣлый Морозъ».

Передъ ребенкомъ-читателемъ уже встаетъ, во всей своей полнотѣ, живая картина русской природы. А вотъ на-смѣну ей—другая, еще болѣе яркая:

«Въ царствѣ Весны молодой
Всё по иному живётъ:
Звонко сбѣгаютъ ручьи,
Шумно проносится ледъ;
Тамъ, гдѣ проходитъ Весна
Въ блескѣ своей красоты,—
Рядятся въ зелень луга
И выбѣгаютъ цвѣты;
Листьями кроется лѣсъ;
Всё въ немъ растетъ и поётъ...
Возлѣ веселой Весны
Пестрый сплелся хороводъ:
—Милая, стой! Разскажи,
Что́ ты видала во снѣ!—
Рѣзвыя дѣти кричатъ,
Шумно сбѣгаясь къ Веснѣ».

Въ слѣдующихъ строкахъ поэтъ переходитъ отъ описательной къ повѣствовательной формѣ; но этотъ переходъ сдѣланъ у него такъ незамѣтно, что впечатлѣніе нераздѣльно сливается со всѣмъ предыдущимъ.

«Слышалъ Морозъ про Весну,—
Думаетъ: —Дай погляжу;
Самъ на людей посмотрю,
Людямъ себя покажу!..
Чѣмъ я Веснѣ не женихъ?
(Мысли приходятъ ему)

А не захочетъ, тогда
Силою въ жены возьму!
Старъ я, да что за бѣда:
Всё-же въ округѣ я царь;
Сплошь мнѣ по этимъ мѣстамъ
Вся повинуется тварь!...—
Въ путь собрался и пошелъ,
Бросивъ подругу Мятель—
Ту, что холодной Зимѣ
Снѣжную стелетъ постель»...

Но не только Морозъ услышалъ про красоту Весны,—дошли и до нея грозные слухи о намѣреніяхъ непрошенаго-незванаго жениха...

«Всѣми любимой Веснѣ
Вѣсти приноситъ гонецъ,
Пестрый товарищъ людей,
Нашъ домовитый скворецъ:
— Утромъ я видѣлъ Морозъ...
Всѣмъ намъ большая бѣда:
Онъ осердился опять,
Хочетъ вернуть холода...
Видѣлъ я самъ: на поляхъ
Стало бѣло-пребѣло,
Видѣлъ на тихой водѣ
Льда голубое стекло.
Самъ онъ съ большой бородой,
Бѣлый и строгій на видъ...
Мы не пускаемъ, а онъ:
—Сватать иду!—говоритъ».

А вотъ передъ вами—и путь собравшагося сватать молодую Весну сѣдого царя снѣговъ—невеселый

и не легкій для стараго путь, завершающійся для него роковымъ образомъ...

«Душно Морозу идти...
Скоро-ли кончится путь?
Думаетъ: гдѣ-бы прилечь,
Гдѣ-бы ему отдохнуть...
Видитъ—глубокій оврагъ,
Въ нёмъ затаился лѣсокъ...
Какъ до березы дошелъ,
Возлѣ свернулся и легъ...
Много-ли, мало-ли онъ
Въ этомъ оврагѣ проспалъ,
Только очнулся, когда—
Сталъ удивительно малъ.
Въ лѣсъ набѣжали гурьбой
Дѣти черемуху рвать,
Видятъ—ледышка лежитъ,
Взяли Веснѣ показать».

Сказка кончается въ юмористическомъ тонѣ,—причемъ поэтическое одушевленіе, охватывающее слушателей-читателей съ самой присказки, не покидаетъ ихъ до послѣднихъ словъ.

— «Дѣти!—спросила Весна,—
Вамъ не попался Морозъ?
— Только сосульку нашли!
Вотъ онъ! Въ карманѣ принёсъ!..—
...Слыша такія слова,
Всё засмѣялось вокругъ:
Птицы, цвѣты и ручьи,
Озеро, роща и лугъ.

Со-смѣху лопнулъ голышъ...
И раскачалъ этотъ смѣхъ
Въ ближнихъ зелёныхъ лѣсахъ
Липу, лозу и орѣхъ,—
Такъ что царица сама
Нахохоталась до слезъ...
Сильно её насмѣшилъ
Дѣдушка бѣлый Морозъ!.».

Воспроизведеніе весенняго смѣха природы надъ принесеннымъ въ карманѣ суровымъ властелиномъ, грозившимъ всему веселому царству Весны бѣдой-невзгодою, является прекраснымъ заключительнымъ аккордомъ этой симфоніи, сплетенной талантливымъ поэтомъ изъ яркихъ своей простотою словъ, говорящихъ красокъ и красивыхъ звуковъ.

Вспомните ваши дѣтскіе годы, со всей ихъ духовной нетронутостью, и вы поймете, какъ близка сердцу малютокъ такая поэзія... А часто-ли встрѣчаютъ дѣти что-нибудь подобное на страницахъ предназначенныхъ для ихъ чтенія книгъ и журналовъ?!.

XI.

Жизнь Садовникова была такъ-же не красна, какъ не завидна и посмертная участь. Родился Дмитрій Николаевичъ 25-го апрѣля 1847 года,— на Волгѣ, которой посвящены и лучшіе перлы его вдохновеній, въ Симбирскѣ—городѣ, давшемъ Россіи Карамзина, Дмитріева, Дениса Давыдова, Гончарова, Григоровича, Минаевыхъ. Отецъ его, Николай Александровичъ, дворянинъ и уроженецъ Владимірской губерніи, воспитывался въ Педагогическомъ Институтѣ и былъ разносторонне образованнымъ человѣкомъ. Мать Дм. Н — ча, Татьяна Ивановна (урожденная Полянская), умерла когда будущему русскому поэту едва успѣла исполниться три года. Это была очень развитая женщина, много читавшая и даже писавшая довольно недурные, по отзывамъ знавшихъ ее людей, стихи.

Первые годы дѣтства Д. Н. Садовниковъ провелъ у своей родной тетки—Юліи Ивановны Полянской, скромной труженицы, всю жизнь отдавшей

другимъ. Онъ росъ тихимъ болѣзненнымъ ребенкомъ, обнаруживая необычайно раннее развитіе, заставлявшее задумываться его родныхъ: очень рано началъ говорить, пяти лѣтъ уже читалъ, восьми—сочинялъ стихи, а на десятомъ году настолько пристрастился къ научнымъ занятіямъ, что написалъ даже цѣлую тетрадь о «Космосѣ» (конечно, по-дѣтски наивно). Семилѣтнимъ ребенкомъ отецъ взялъ его съ собою въ деревню,—гдѣ жилъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ помѣщика Дроздовскаго, но каждый годъ проводилъ по три, по четыре мѣсяца вмѣстѣ съ сыномъ у матери и сестры своей покойной жены. По словамъ Ю. И. Полянской, вліяніе отца было самымъ благотворнымъ для не по лѣтамъ развитого мальчика «Онъ»,—говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ,—«любилъ его до безумія, такъ что, если ему приходилось наказать Митю, то послѣ, когда мальчикъ заснетъ, Н. А. придетъ, бывало, къ нему и у сонного цѣлуетъ руки и ноги». Но какъ педагогъ—онъ былъ требователенъ и къ своему любимцу... Занимаясь съ сыномъ, Н. А — чъ готовилъ его прямо въ университетъ, всесторонне обогащая воспріимчивую дѣтскую натуру, и намѣревался—одновременно съ поступленіемъ его въ святилище наукъ—самъ слушать лекціи, чтобы имѣть возможность облегчать работу юноши своими объясненіями. Отцу Дмитрій Николаевичъ обя-

занъ основательнымъ знаніемъ нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ и страстной любовью къ литературѣ.

На тринадцатомъ году оставшись круглымъ сиротою, на попеченіи Ю. И. Полянской, онъ поступилъ въ Симбирскую классическую гимназію (въ четвертый классъ), гдѣ и продолжалъ свое образованіе,—но уже, конечно, не въ тѣхъ размѣрахъ и совсѣмъ не по той системѣ, какъ предполагалъ отецъ, мечтавшій даже о поѣздкѣ съ нимъ, въ образовательныхъ цѣляхъ, за-границу.

Товарищами-одноклассниками Садовникова были, между прочимъ, покойные Василій Николаевичъ Андреевъ-Бурлакъ (извѣстный артистъ) и Николай Александровичъ Мандрыкинъ—человѣкъ съ задатками беллетристическаго дарованія, авторъ ряда разсказовъ, напечатанныхъ въ поволжскихъ газетахъ 80-хъ годовъ.

Хотя дореформенный строй гимназическаго воспитанія и произвелъ на будущаго автора пѣсенъ и легендъ о Стенькѣ Разинѣ самое непріятное впечатлѣніе, но учился Дм. Н—чъ по всѣмъ предметамъ (за исключеніемъ никогда не дававшейся ему математики) прекрасно. Раннее развитіе позволяло ему стоять впереди другихъ товарищей-сверстниковъ.

Принужденный выйти изъ седьмого (тогда послѣдняго) класса гимназіи и не попавъ, по несчастной слу-

чайности, въ университетъ, онъ сознавалъ свои научные пробѣлы и, путемъ чтенія книгъ и самостоятельнаго изученія предметовъ университетскаго курса, блистательно заполнилъ ихъ и выступилъ во всеоружіи знаній на литературное поприще.

Годъ спустя по выходѣ изъ гимназіи, онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ познакомился съ нѣкіимъ Ломакинымъ—состоятельнымъ человѣкомъ—и собирался путешествовать съ нимъ по Персіи. Поѣздка эта разстроилась: спутникъ поэта, по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ, долженъ былъ вернуться съ дороги изъ Константинополя. Отсюда Дм. Н—чъ поѣхалъ въ Крымъ, гдѣ провелъ три мѣсяца, а затѣмъ отправился въ родной Симбирскъ. Во все это время онъ работалъ надъ переводами иностранныхъ поэтовъ, а также писалъ и оригинальные стихи; нѣкоторыя изъ этихъ раннихъ произведеній его впослѣдствіи были напечатаны. По возвращеніи въ Симбирскъ, поэтъ сначала сталъ давать уроки, а потомъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ семью родственниковъ своей будущей жены, сестры одного изъ его товарищей по гимназіи—Варвары Ивановны Лазаревой. Здѣсь онъ и встрѣтился съ нею. Встрѣча произвела на обоихъ неотразимое впечатлѣніе. Это время для поэта было весеннимъ расцвѣтомъ творческихъ думъ и чувствъ. Женился онъ въ 1871-мъ году и переѣхалъ съ женой сначала въ Москву, а отсюда въ Петербургъ, —

гдѣ прожилъ, впрочемъ, очень недолго,—и снова вернулся въ Симбирскъ.

Жизнь была для поэта злой мачихою. Выросши сиротой въ чужомъ домѣ, Дм. Н—чъ женился по любви на прекрасной дѣвушкѣ и черезъ шесть лѣтъ послѣ женитьбы остался вдовцомъ съ тремя малолѣтками-дѣтьми, безо всякихъ опредѣленныхъ средствъ. Началась борьба за существованіе, — изъ-за которой онъ, поручивъ дѣтей попеченію своей воспитательницы, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ раньше живалъ только временно, наѣздомъ. Въ приневской столицѣ,—этомъ громадномъ каменномъ городѣ-спрутѣ, высасывающемъ изъ своихъ безчисленныхъ жертвъ всѣ жизненные соки,— Д. Н. Садовникова ждала жизнь литературнаго труженика — со всѣми ея невзгодами, лишеніями и бросающими человѣка изъ стороны въ сторону случайностями.

«Жизнь—борьба...» Эти жестокія по своему глубокому смыслу слова, болѣе чѣмъ гдѣ-бы то ни было, напрашиваются на уста каждому, не лишенному извѣстной доли наблюдательности, человѣку въ стѣнахъ «большого каменнаго города»...—Да, борьба, тяжелая, безпощадная, непрерывная, борьба—за каждую ничтожную тѣнь счастья, за каждый мимолетный просвѣтъ свободы, за каждую обманчивую минуту покоя, за каждый призрачный мигъ существованія... И горе тому, въ комъ не хватитъ силы

устоять въ этой изсушающей мозгъ, развинчивающей нервы, убивающей въ людяхъ человѣка, обратившейся въ стихійную, созданной тысячелѣтними усиліями рокового безумія — борьбѣ!.. Звѣря, руководящагося однимъ инстинктомъ самосохраненія, — не владѣющаго своими страстями голоднаго звѣря, — встрѣчаетъ онъ тогда въ окружающей его алчущей хлѣба, жаждущей самоудовлетворенія, мятущейся въ какомъ-то дикомъ изступленіи человѣческой толпѣ... Ежедневно, а можетъ быть и ежечасно, гибнутъ слабые — растоптанные ногами ничего не видящаго, ничему не внимающаго гиганта-толпы, — гибнутъ, утучняя собою пропитанную потомъ и кровью себѣ подобныхъ зыбкую и скользкую почву... И всходятъ на этой почвѣ новые побѣги обреченнаго на новую гибель безсилія... Все выше и выше поднимаются, заслоняя свѣтъ солнечный, многоэтажныя громады каменнаго города; все тѣснѣй и душнѣе становится между этими громадами; все чаще и чаще просыпается звѣрь въ человѣкѣ... Когда-бъ могли заговорить камни гулкой мостовой, — они милліонами голосовъ воскликнули-бы: «Жизнь — борьба! Горе побѣжденнымъ!..»

И вотъ — пришлось, волею судебъ, встать въ ряды побѣжденныхъ подневольной борьбою и самобытному пѣвцу вольныхъ людей.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, Дм. Н—чъ умеръ (неожиданно, послѣ одной изъ поѣздокъ

къ дѣтямъ въ Симбирскъ),—умеръ, не успѣвъ даже издать книги своихъ стихотвореній, оставивъ ихъ разбросанными по журналамъ и газетамъ. Смерть настигла его 19-го декабря 1883 года. Еще всего за нѣсколько дней до этого онъ былъ въ кругу друзей, велъ оживленныя бесѣды, строилъ грандіозные литературные планы.

Дѣти поэта (двѣ дочери и сынъ) остались совершенно необезпеченными на рукахъ все той-же любвеобильной труженицы. Изъ дочерей—одна умерла ребенкомъ, вскорѣ вслѣдъ за отцомъ, другая — Ольга Дмитріевна—недавно, уже будучи замужемъ за симбирскимъ помѣщикомъ М. Н. Вернеромъ. Юлія Ивановна выростила сиротъ и съумѣла воспитать въ нихъ благоговѣніе къ памяти отца. Имя послѣдняго въ ея глазахъ было синонимомъ всего чистаго, возвышеннаго и благороднаго. Каждое письмо «покойнаго Мити», каждый забытый имъ черновой набросокъ, каждая читанная имъ книга казались для нея драгоцѣнными реликвіями.

По единодушному отзыву всѣхъ знавшихъ Д. Н. Садовникова, это былъ необыкновенно сдержанный и деликатный человѣкъ. Въ людяхъ онъ старался находить хорошія стороны и всегда стремился помочь каждому — чѣмъ только былъ въ силахъ. Онъ страстно любилъ музыку; любимымъ его композиторомъ былъ Моцартъ; его онъ готовъ былъ

*

слушать по цѣлымъ днямъ. Любимымъ поэтомъ— былъ Пушкинъ; онъ находилъ въ немъ неисчерпаемый источникъ наслажденія. Изъ иностранныхъ поэтовъ онъ преклонялся передъ Шекспиромъ и Байрономъ. Все изящное привлекало его, во всемъ онъ любилъ красоту. Книга являлась въ его глазахъ святынею; для нея онъ нерѣдко отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ.

Когда, во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, я начиналъ свои журнальныя скитанія и, живя въ Симбирскѣ, посѣщалъ бѣдную квартирку Ю. И. Полянской,—на меня вѣяло отъ ея разсказовъ о моемъ землякѣ - поэтѣ дыханіемъ живыхъ литературныхъ преданій. Кроткая, скромная, нѣжная — она умѣла порою простымъ, отъ чистаго сердца сказаннымъ, словомъ заронить въ душу собесѣднику многое и многое. Сама она являлась воплощеннымъ идеаломъ самоотверженной любви къ ближнимъ, ближайшими изъ которыхъ были для нея «Митины дѣтки». Святая женщина!.. При одномъ воспоминаніи о ней—какъ-то легче становится на душѣ, пробуждается въ памяти столько дорогого - незабвеннаго, начинаетъ пускать ростки зерно отраднаго сознанія: что не такъ уже безпросвѣтно-теменъ нашъ больной вѣкъ, охваченный желѣзнымъ кольцомъ самодовлѣющей лжи, злого лицемѣрія и хищническихъ инстинктовъ,—если еще бьются въ груди человѣчества такія поистинѣ золотыя сердца.

Бьется-ли теперь, горитъ-ли еще неугасимымъ огнемъ любви это сердце? Жива-ли эта добрая, милая старушка?

Если нѣтъ, если она уже успѣла заснуть вѣковѣчнымъ сномъ, то — да будетъ благословенна ея память!..

XII.

Литературная дѣятельность Д. Н. Садовникова началась въ 1868-мъ году, когда его стихотвореніе «Первый снѣгъ» появилось, за подписью «С—въ», въ «Иллюстрированной Газетѣ» В. Р. Зотова. Но еще раньше, въ «Сѣверной Пчелѣ» 1864 года, будучи гимназистомъ пятаго класса, онъ помѣстилъ двѣ случайныхъ небольшихъ замѣтки—корреспонденціи изъ Симбирска—(за подписью «Ю. Подгоричъ»). Появившись въ зотовскомъ журналѣ, бывшемъ для многихъ современныхъ нашихъ писателей литературной купелью, Дм. Н—чъ печатался уже непрерывно. Съ этихъ поръ до послѣдняго года жизни поэтъ принималъ участіе въ сорока журналахъ и газетахъ. Его произведенія можно найти въ «Бесѣдѣ» (С. А. Юрьева), «Грамотеѣ», «Волжскомъ Вѣстникѣ» (сначала — симбирскомъ, затѣмъ—казанскомъ), «Семьѣ и Школѣ», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Игрушечкѣ», «Пчелѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Искусствѣ», «Нивѣ», «Кру-

гозорѣ», «Всемірной Иллюстраціи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Новомъ Времени» (ежедневномъ и еженедѣльномъ), «Свѣтѣ» (Н. П. Вагнера), «Русской Мысли», «Словѣ», «Восточномъ Обозрѣніи», «Будильникѣ», «Стрекозѣ», «Осколкахъ», «Суфлерѣ», «Огонькѣ», «Новомъ Русскомъ Базарѣ», «Вѣкѣ», «Изящной Литературѣ», «Восходѣ», «Модномъ Свѣтѣ» и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ. Кромѣ своей настоящей фамиліи, Дм. Н—чъ подписывался и псевдонимами; изъ нихъ мнѣ удалось собрать точныя свѣдѣнія о слѣдующихъ семи: «Жанристъ», «Д. Волжановъ», «Дм. Симбирцевъ», «Д. Полянскій», «Ю. Подгоричъ», «Пеонъ 2-й» и «Димъ» (два послѣдніе—въ юмористическихъ журналахъ). Отдѣльно изданы были изъ его литературныхъ работъ: сборникъ историческихъ очерковъ «Русскіе землепроходцы» да прозаическій переводъ «Норвежскихъ сказокъ». Стихи-же, эти перлы его творчества, до сихъ поръ ждутъ своего издателя.

Выходитъ безчисленное количество книгъ, порою не заслуживающихъ и сотой доли того вниманія, какое оказывается имъ и въ читающемъ, и въ пишущемъ мірѣ. Писатели пишутъ, издатели издаютъ, читатели «почитываютъ». А у покойнаго Садовникова все еще не находится издателя; нѣтъ у него и читателей.

Являясь замѣчательнымъ русскимъ поэтомъ, Д. Н. Садовниковъ былъ одновременно и выдающимся пере-

водчикомъ поэтовъ иностранныхъ. Въ этомъ отношеніи имя его должно быть поставлено рядомъ съ такими крупными силами нашей переводной литературы— какъ М. Л. Михайловъ, Д. Л. Михаловскій и В. С. Лихачовъ. Стихотворные переводы его прекрасно удовлетворяютъ двумъ главнымъ требованіямъ отъ поэта-переводчика: близости къ буквѣ подлинника и вѣрности красотѣ духа послѣдняго. Особенно хороши у него переводы изъ А. Терье («Малиновка», «Ласточки», «Крестьянская мыза»), Лонгфелло («На разсвѣтѣ», «Сонъ невольника», «Перелетныя птицы» и поэмы—«Эмма и Эгингардъ», напечатанная въ январской книгѣ «Русской Мысли» за 1883 г., и «Пѣсня о Гайаватѣ»,—изъ которой появились въ печати только отрывки), Мориса Бушора («Изъ веселыхъ пѣсенъ», Изъ «Современнаго Фауста»), Петефи («Аистъ» и др.), Эдгара Поэ («Аннабель-Ли»), Рунеберга («Король Фьяларъ» и др.) и Байрона (Изъ «Манфреда»).

Вотъ для наглядности два образца переводной поэзіи Д. Н. Садовникова; хотя они оба изъ Терье, но совершенно разнородны и по формѣ, и по содержанію. Первое стихотвореніе— «Ласточки»:

«Подъ карнизами оконъ, вблизи черепицъ,
Мы впервые открыли глаза;
Тамъ носились мы вольною стаею птицъ,
Возлѣ стѣнъ, гдѣ взбѣгаетъ лоза.

«Задрожала трава отъ угрозъ сентября,
Собралися мы дружно въ отлетъ
Къ той землѣ—гдѣ кругомъ голубѣютъ моря,
И гдѣ солнце горячее жжетъ...
«Мы сидѣли на розовомъ сфинксѣ песковъ,
Что глядитъ въ предразсвѣтную даль,—
Но оставленныхъ жаль было намъ городовъ
И покинутыхъ гнѣздъ было жаль...
«Колокольня знакомая снилась опять,
Рядомъ—липъ благовонная сѣнь;
Старый мостъ, подъ который привыкли летать,
Гдѣ такая отрадная тѣнь...
«Мы скучали въ пустынѣ о краѣ родномъ,
О желанной и юной веснѣ,
О душистыхъ садахъ и гнѣздѣ подъ окномъ
На далекой родной сторонѣ»...

«Крестьянская мыза»—еще характернѣе для самобытнаго поэта, какъ переводчика. Здѣсь онъ не только всталъ на одномъ уровнѣ творчества съ авторомъ, но даже превзошелъ его:

«Вокругъ крестьянской мызы
Стоитъ лѣсная тишь;
Весь дворъ заросъ травою,
Трава на склонѣ крышъ...
Межъ городомъ и мызой
Лежитъ сплошной оплотъ
Лѣсовъ необозримыхъ
И высохшихъ болотъ...
«На мызѣ доживаетъ
Шестой десятокъ лѣтъ
Старикъ—еще здоровый,
Широкоплечій дѣдъ;

Затѣмъ, работникъ ловкій—
Его женатый сынъ—
Да внучекъ малолѣтній,
Крикливый властелинъ.

«Едва-ль не больше вѣка
Здѣсь—въ сторонѣ глухой—
Работало семейство
Косою и сохой.
Кровать стояла та-же
И сотню лѣтъ назадъ;
Качалка укачала
Десятка два ребятъ.

«И счастливы на мызѣ:
Въ апрѣлѣ все поетъ;
Въ іюнѣ земляника,
Подъ осень зрѣетъ плодъ.
Дастъ Богъ и урожая
Отъ брошенныхъ сѣмянъ,
А внучекъ подростаетъ—
И славный мальчуганъ.

«Случается нерѣдко
Прохожій вечеркомъ
Зайдетъ и поразскажетъ
О слухѣ городскомъ,—
Но вѣсти ѣтчего-то,
Пройдя окрестный лѣсъ,
Размѣры принимаютъ
Неслыханныхъ чудесъ.

«И такъ идутъ за днями
Однообразно дни,
Обычныя заботы
Ведутъ съ собой они.

Простые эти люди—
Въ работѣ круглый годъ,
А мальчикъ здоровѣетъ
И по часамъ растетъ.

«Начнетъ и онъ работать,
Не опуская рукъ,—
Махать цѣпомъ проворнымъ,
Вести тяжелый плугъ;
А усъ когда пробьется
Да стукнетъ двадцать лѣтъ,—
И въ сердцѣ развернется
Любви весенній цвѣтъ;

«Жену себѣ въ сосѣдяхъ
Возьметъ онъ въ свой чередъ,—
Когда его въ солдаты
Сержантъ не заберетъ,
Негаданно-нежданно
Не выброситъ войной
На чуждую границу
Съ шинелью за спиной»...

Перу Д. Н. Садовникова принадлежатъ нѣсколько прозаическихъ разсказовъ, изъ которыхъ наиболѣе удались автору: «Сила Ерофеичъ», помѣщенный въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Наброски Жанриста»—въ «Огонькѣ» и «Языческіе сны русскаго народа» («Разсказы пастуха»: I. «Лѣшій». – II. «Водяной»)—въ «Дѣтскомъ Чтеніи».

Въ послѣдній годъ жизни поэтъ попробовалъ свои силы на поприщѣ литературной критики. Опытъ не былъ неудаченъ. Рядъ критическихъ этюдовъ

о поэзіи—на страницахъ журнала «Искусство», за подписью «Д. Волжановъ», краснорѣчиво подтверждаетъ это. Эти статьи обличаютъ въ авторѣ изящный художественный вкусъ и отличаются ясностью мысли, оригинальными взглядами и красотой изложенія. Изъ него—при благопріятныхъ условіяхъ—могла-бы выработаться далеко не зауряднaя критическая величина.

Съ дѣтскихъ дней полюбивъ родную Волгу, поэтъ всегда приглядывался зоркимъ взоромъ къ жизни и обычаямъ, одновременно прислушиваясь пытливымъ слухомъ къ повѣрьямъ и преданіямъ, нашего волгаря-крестьянина. Въ раннюю пору запала въ сердце богато одаренному отъ природы юношѣ счастливая мысль собрать разсѣянныя по берегамъ старой Волги произведенія изустнаго народнаго творчества. Мысль эта впослѣдствіи, въ болѣе зрѣлые годы, и была приведена имъ въ исполненіе,—когда онъ прошелъ, что называется, вдоль и поперекъ все жегулевское побережье, занося въ свою походную записную книжку «сказанія мѣстнаго слово». Результаты этой экскурсіи воплотились въ два объемистыхъ тома — «Загадки русскаго народа» и «Сказки и преданія самарскаго края»*), могущіе поставить имя его

*) «Сказки и преданія» были, послѣ смерти своего собирателя, изданы Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ—съ предисловіемъ Л. Н. Май-

наряду съ извѣстнѣйшими этнографами-собирателями. Нѣтъ сомнѣнія, что и оригинальное поэтическое творчество Д. Н. Садовникова въ значительной степени почерпнуло свой самобытный строй изъ того неизсякаемаго кладезя, который зовется сердцемъ народнымъ.

Въ бумагахъ покойнаго поэта остался (и до сихъ поръ остается) ненапечатаннымъ третій этнографическій трудъ—«Поволжскіе заговоры». Слѣдовало-бы Географическому Обществу, или Академіи Наукъ, обратить вниманіе на эту, быть можетъ, и не законченную, но — во всякомъ случаѣ — имѣющую свою цѣнность, работу вдохновеннаго изслѣдователя русскаго народнаго быта.

По смерти Д. Н. Садовникова, найдено не мало черновыхъ стихотворныхъ набросковъ. Часть ихъ появилась за 1892—1894 годы въ печати на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (поэма «Кума»), «Всемірной Иллюстраціи», «Игрушечки», «Труда», «Нашего Времени» («Изъ забытыхъ тетрадей», «Изъ пѣсенъ и легендъ», «Изъ пѣсенъ о Волгѣ», «Вàбунъ») и въ литературномъ сборникѣ «Помочь», изданномъ въ 1892 г., подъ редакціей П. В. Засодимскаго и пишущаго эти строки, въ пользу голодающихъ. Среди этихъ

кова. „Загадки"-же впервые были выпущены покойнымъ типографомъ Н. А. Лебедевымъ, а теперь А. С. Суворинъ печатаетъ ихъ новымъ изданіемъ.

посмертныхъ, зачастую—неотдѣланныхъ и незаконченныхъ, стихотвореній попадаются настоящія поэтическія жемчужины и художественные бриллiанты чистой воды.

Было время,—и это было еще такъ недавно,—когда за поэзіей читающее большинство не признавало права на существованіе, когда то-и-дѣло раздавались голоса, что она якобы отжила свое время... Отголосокъ этихъ рѣчей не замолкъ даже и теперь; еще до сихъ поръ не трудно найти людей, не желающихъ согласиться съ тѣмъ историческимъ фактомъ, что она всегда и у всѣхъ народовъ являлась *высшимъ* мѣриломъ художественнаго творчества и никогда не отживетъ... Вѣчная, какъ сама Красота, она—несмотря на неблагопріятныя для нея внѣшнія условія—все также даетъ наслажденіе, все также будитъ мысль и чувство, все также заставляетъ даже пресмыкающихся по землѣ рабовъ житейской прозы поднимать изрѣдка взоръ къ небесамъ. Видоизмѣняются только однѣ формы ея, но сущность неизмѣнна. «Умри поэзія, и міръ одѣнетъ тьма!..» Это—далеко не одна фраза, потому-что только *поэзія жизни* и заставляетъ людей любить, вѣрить и надѣяться...

Новые идеалы, новая красота?!. Какъ-будто вѣчное можетъ когда-нибудь устарѣть... Нѣтъ, вѣчные идеалы и вѣчная красота не могутъ ни молодѣть, ни стариться — разъ они, дѣйствительно,

вѣчны! Если что-нибудь и есть безсмертнаго на смертной землѣ, то это — Красота и Идеалъ, въ объединяющемъ небо съ землею смыслѣ... Въ обратившейся въ спортъ погонѣ за новыми «словами» и «словечками» наши новаторы, соревнующіе въ ежедневномъ открываніи Америкъ, пришли къ тому выводу, что все устарѣло, что устои всего, что было и признавалось до сихъ поръ за вѣковѣчную Истину, подгнили...

Типичные представители литературнаго вырожденія «конца вѣка» — они (сами не вѣдая, что творятъ) смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ. Открываемая ими «новая красота» очень немолода. Это — старая погудка на новый ладъ, несмотря на кажущуюся «новизну» формы... Новые пути къ безсмертной красотѣ могутъ и должны быть пролагаемы, но она вовѣки пребудетъ все тою же единой, вѣчною...

Поэтъ, безвременно и незаслуженно забытымъ произведеніямъ котораго посвящены эти страницы, во всѣхъ проявленіяхъ своего творчества неизмѣнно оставался гребцомъ противъ теченія. Вся поэзія его проникнута умиротворяющей любовью къ Истинѣ, Добру и Красотѣ. Вся она глубоко человѣчна, вся — искренняя. У него не встрѣтите вы бывшихъ въ его время въ большой модѣ:

«Гражданской скорби, взятой напрокатъ,
Съ аукціона купленныхъ страданій...»

На его литературномъ знамени только и можно начертать одинъ девизъ — «Прекрасное».

Талантъ Д. Н. Садовникова былъ виденъ во всемъ выходившемъ изъ-подъ его пера, — отъ каждой строки вѣяло истиннымъ вдохновеніемъ, каждое слово не мимо молвилось. А, между тѣмъ, сорная трава забвенія все гуще и гуще поростаетъ вокругъ имени и созданій самобытнаго поэта...

Не пора-ли выйти литературнымъ косарямъ изъ дремучихъ лѣсовъ равнодушія, подойти къ этому имени да и скосить подъ-корень весь не на мѣстѣ разросшійся, заслоняющій его бурьянъ?

Пора, давно пора, услышать русскому читателю вдохновенное слово забытаго пѣвца вольныхъ людей и воочію увидѣть всю красоту его пѣсенъ — этихъ заживо погребенныхъ сокровищъ!.